

Леблан М.

**ТАЙНА ЗАМКА РОБОРЭЙ
ВИКТОР ИЗ СПЕЦБРИГАДЫ**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Морис Леблан

**Тайна замка Роборэй.
Виктор из спецбригады**

«Алгоритм»

1923, 1934

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

Леблан М.

Тайна замка Роборэй. Виктор из спецбригады / М. Леблан —
«Алгоритм», 1923, 1934 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-02844-1

Морис-Мари-Эмиль Леблан (1864–1941) – французский писатель. Работая поначалу репортером в «Фигаро», выпустил несколько сборников новелл, но особого успеха не снискал. Литературным «крестным» отцом Леблана стал влиятельный парижский издатель Пьер Лафит. Он предложил ему придумать героя, который мог бы соперничать по популярности с Шерлоком Холмсом. И Леблан создал Арсена Люпена – образ-миф, в котором французам приятно было узнавать себя: сильный и смелый герой, хитрый, проникательный и, самое главное, остроумный: он побеждает своих врагов, высмеивая их. Помимо пяти сборников рассказов, пятнадцати романов и трех пьес об Арсене Люпене, Морис Леблан написал также два десятка приключенческих, научно-фантастических, любовных романов и сборников рассказов. В данном томе представлен роман «Тайна замка Роборэй», герои которого тщетно пытаются разгадать таинственную надпись и найти сокровища, связывая эту тайну только с замком Роборэй, а разгадка оказывается совсем в другом месте. Но в поисках клада они находят верных друзей и преданную любовь. Роман «Виктор из спецбригады» повествует о приключениях Арсена Люпена, легендарного героя многих книг Леблана.

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-02844-1

© Леблан М., 1923, 1934

© Алгоритм, 1923, 1934

Содержание

Тайна замка Роборэй	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4 Допрос	29
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Морис-Мари-Эмиль Леблан
Тайна замка Роборэй.
Виктор из спецбригады

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

Тайна замка Роборэй

Глава 1 Замок Роборэй

Тусклая предрассветная луна... Редкие звезды. В стороне от большой дороги стоит наглухо закрытый фургон с поднятыми кверху оглоблями. Издали кажется, что это чьи-то возведенные к небу руки. В тени, у канавы, пасется лошадь. Слышно, как она щиплет траву, как сопит и фыркает в отдалении.

Над далекими холмами посветлело. Медленно гаснут звезды. На колокольне пробило четыре. Вот встрепенулась и вспорхнула первая птица, осторожно пробуя голос. За ней – другая, третья. Наступает утро, теплое, ясное.

Вдруг в глубине фургона раздался звучный женский голос:

– Кантэн! Кантэн! – И в окошке над козлами показалась голова. – Удрал... Так я и знала. Вот дрянь. Вот мучение.

В фургоне раздалось другие голоса. Через две-три минуты дверь фургона раскрылась, и по ступенькам сбежала стройная молодая девушка, а в окошке показались всклокоченные головки двух мальчуганов.

– Доротея, куда ты?

Она обернулась и ответила:

– Искать Кантэна.

– Он вчера гулял с тобой, а потом лег спать на козлах. Право. Я сам видел.

– Да! Но теперь его там нет!

– Куда же он исчез?

– Не знаю. Пойду поищу и за уши приволоку обратно.

Но не успела она сделать нескольких шагов, как из фургона выскочили двое мальчигов лет девяти-десяти. Оба бросились за ней вдогонку.

– Нет, не ходи одна! Страшно! Темно!

– Что ты выдумываешь, Поллукс. Страшно? Вот глупости.

Она дала им по легкому подзатыльнику и толкнула обратно в фургон. Потом взбежала по лесенке, ласково обняла их и поцеловала.

– Не надо хныкать, мои маленькие. Совсем не страшно. Через полчаса я вернусь с Кантэном.

– Да, где он пропадает по ночам? – хныкали мальчики. – И это уж не первый раз. Где он шатается?

– Он ловит кроликов, вот и все. Ну, довольно болтать, малыши. Ступайте спать. И слышите вы оба: не драться и не шуметь. Капитан еще спит, а он не любит, чтобы его будили.

Она быстро отошла, перепрыгнула через канавку, пересекла лужок, где под ногами хлюпала вода, и вышла на тропинку, убегающую в мелкий кустарник. По этой тропинке гуляла она вчера с Кантэном и поэтому шла так быстро и уверенно.

Вскоре тропинку пересек ручей, нежно журчавший по камешкам. Она вошла в воду и двинулась по течению, как бы желая скрыть свои следы, потом вышла на противоположный берег и побежала напрямик через лес.

В своей коротенькой юбке, расшитой пестрыми ленточками, маленькая, стройная и грациозная, она была прелестна, несмотря на босые, загорелые ноги. Бежала она по сухим прошлогодним листьям, по молодой весенней травке, среди ландышей и диких нарциссов – легко, быстро и осторожно, стараясь не поранить ног.

Волосы Доротеи растрепались. Они разделились на две черные волнистые струи и развевались от ветра как крылья. Губы слегка улыбались, ветер прикрывал веки. И видно было, как приятно ей бежать и дышать свежим, утренним воздухом.

Костюм Доротеи был скромен, почти беден: серая холстинковая блузка и оранжевый шелковый шарф. А по лицу ей нельзя было дать больше пятнадцати-шестнадцати лет.

Лес остался позади. Впереди был овраг, почти ущелье. Доротея остановилась.

Прямо перед ней на высокой гранитной площадке возвышался замок. По своей архитектуре он мог казаться величественным. Но был он выстроен на гребне высокой скалы, и от этого казался неприступным гнездом владетельного феодала. Справа и слева его огибал овраг, напоминавший искусственные рвы Средневековья.

За оврагом начинался пологий подъем, переходивший почти в отвесную крутизну.

«Без четверти пять, – подумала девушка. – Кантэн скоро вернется».

Она прислонилась к дереву, зорко глядя в извилистую линию утеса. Там выступал неширокий каменный карниз, прерываемый в одном месте выступом скалы.

Вчера на прогулке Кантэн недаром сказал ей, показывая на это место:

– Посмотри: хозяева замка считают себя в полной безопасности. А между тем здесь очень легко вскарабкаться по стене и влезть в окошко.

Доротея понимала, что, если подобная мысль взбрела в голову Кантэна, он непременно приведет ее в исполнение. Но что могло с ним приключиться? Неужто его поймали? Вообще, решиться на такое дело, не зная ни плана дома, ни привычек его обитателей – это верная гибель. Неужто он попался или просто ждет рассвета, чтобы спуститься вниз?

Время шло. Доротея заволновалась. Правда, с этой стороны не было проезжей дороги, но кто-нибудь из крестьян мог случайно пройти мимо и заметить спускающегося Кантэна. Какую глупость он затеял!

Не успела она и подумать об этом, как в овраге зашуршали чьи-то тяжелые шаги. Доротея нырнула в кусты. Показался человек в длинной куртке, до того закутанный в шарф, что из всего его лица можно было разглядеть одни глаза. Он был в перчатках и нес под мышкой ружье.

Доротея решила, что это охотник, вернее – браконьер, потому что он боязливо озирался по сторонам. Не доходя до того места, где Кантэну было легче всего перелезть через забор, он остановился, внимательно осмотрелся и нагнулся к камням.

Припав к земле, Доротея внимательно наблюдала за незнакомцем. Он еще раз огляделся, быстро поднял один из камней, повернул его на месте и поставил стоймя. Под камнем оказалась глубокая яма, а в яме лопата. Он поднял лопату и стал копать, стараясь работать без шума.

Прошло еще мгновение. И вдруг случилось то, чего ждала и так боялась Доротея. Заинтересовавшее Кантэна окно распахнулось, и на подоконнике показалась длинная нескладная фигура в сюртуке и цилиндре. Даже издали было видно, что сюртук и цилиндр засалены, запачканы и грубо заштопаны. Доротея узнала Кантэна.

Он соскользнул с подоконника и ногами нашупал карниз. Доротея стояла позади человека, копавшего яму. Она хотела подать знак Кантэну, но было поздно: незнакомец заметил странную фигуру на стене и спрыгнул в яму.

Кантэн не мог обернуться и увидеть, что происходит внизу. Развязав веревку, добытую где-то в замке, он зацепил ее за решетку и концы спустил вниз. С такими приспособлениями спуск становился легким.

В тот же миг Доротея взглянула на человека в яме и чуть не закричала от ужаса: опираясь на камень, он прицеливался в Кантэна.

Что делать? Позвать Кантэна. Но этим только ускоришь развязку и выдашь себя. Броситься на незнакомца? Но голыми руками его не возьмешь. А между тем действовать надо.

Доротея одним прыжком очутилась у ямы и с разбега толкнула поднятую незнакомцем плиту. Камень стоял не крепко и от толчка упал на место, похоронив и ружье, и того, кто сидел в яме.

Доротея понимала, что бой не закончен и что враг вот-вот выскочит из западни. Она бросилась к Кантэну и подбежала к нему в ту минуту, когда он коснулся земли.

– Скорей! Скорей! Беги!

Ошеломленный Кантэн тянул конец веревки, повторяя:

– В чем дело? Как ты сюда попала? Как ты узнала, где я?

– Тише! Скорее! Тебя заметили! Хотели стрелять. Сейчас будет погоня.

– Что ты городишь? Какая погоня? Кто?

– Какой-то тип, одетый мужиком. Он тут в яме. Он подстрелил бы тебя, как куропатку, если бы я не спихнула ему на голову камень.

– Но...

– Молчи, дурак! Бери веревку! Заметай следы!

И прежде чем сидевший в яме успел поднять камень, они сбежали в овраг и скрылись в лесу.

Минут через двадцать добрались они до ручья, пошли по воде и вышли из воды лишь там, где берег был каменистый, на котором не видно следов.

Кантэн хотел бежать дальше, но Доротея вдруг остановилась и стала громко хохотать.

– Что с тобой? – спросил Кантэн. – Что тебя рассмешило?

Она не отвечала и все хохотала, хохотала до слез. Щеки ее покраснелись, белые ровные зубы сверкали во рту. Наконец, она едва пролепетала:

– Цилиндр... Сюртук... А ноги – босые. Ну, и выдумал!.. Ах ты чучело гороховое!

Лес был тихий, торжественный. Чуть трепетали листья у вершин. И молодой раскатистый хохот звонко разливался по чаще.

Кантэну было лет шестнадцать. У него была нескладная долговязая фигура, бледное лицо, рот до ушей, бесцветные белокурые волосы. И только восхитительные черные глаза ярко оживляли его тусклую физиономию. Кантэн стоял перед Доротеей и радовался, что смех мешаает ей сердиться. Он чувствовал себя виноватым и со страхом ждал расплаты.

Вдруг, резко оборвав смех, Доротея бросилась на Кантэна и стала бить его по чему попало, осыпая градом упреков. Но в голосе ее еще искрился смех, от которого брань почти казалась лаской.

– Разбойник! Негодяй! Так ты вздумал заняться грабежом! Ему, изволите ли видеть, мало жалованья, получаемого в цирке. Ему нужны деньги на цилиндры, которые он привык носить... Что ты там украл, негодяй? Признавайся!

Излив свое негодование, Доротея пошла дальше, жестом приказывая Кантэну идти за собой. Кантэн зашагал вслед за ней и, сконфуженно запинаясь, стал рассказывать:

– Собственно говоря, рассказывать нечего. Ты сама обо всем догадалась. Ну, влез я вчера вечером в окно. Попал в уборную. Уборная – в конце коридора, на первом этаже. Я выглянул. Никого. Хозяева обедают. Я вышел в коридор и поднялся на второй этаж. Там – тоже коридор и со всех сторон комнаты. Я обошел их. Ничего подходящего не попадалось. Все картины или тяжелые вещи... Потом я залез под диван в будуаре. Видел, как танцевали в маленькой гостиной. Разошлись они поздно. Очень шикарная публика. Потом пришла дама, сняла драгоценности и спрятала их в шкатулку, а шкатулку заперла в несгораемый шкаф с секретным замком. Отпирая шкаф, она называла буквы, на которые ставят замок: Р. О. Б. Потом ушла, а я запомнил буквы и открыл шкаф. А потом дождался рассвета... Неприятно спускаться в темноте.

– Покажи! – отрывисто приказала Доротея.

Он протянул руку. На его ладони сверкала пара сапфировых серег. Доротея взяла их и стала рассматривать. Глаза ее засияли от восхищения, и она прошептала сдавленным, изменившимся от волнения голосом:

– Сапфиры... Какая прелесть! Совсем как небо летней ночью. Темное, глубокое и полное света.

Они подошли к дереву на опушке, возле которого торчало огромное, нелепое чучело. На чучеле болталась куртка Кантэна. Вечером он снял с чучела сюртук и цилиндр, чтобы никто не мог его узнать. Пока Доротея любовалась сапфирами, он быстро разделся, напялил на чучело сюртук, надел куртку и догнал Доротею.

– Возьми их себе, Доротея. Ты знаешь, что я не вор. Я сделал это для тебя. Круто тебе приходится. Ты должна была бы жить в роскоши, а танцуешь на канате. Нет на свете вещи, которой я не сделал бы ради тебя.

Она быстро подняла ресницы.

– Ты говоришь, что ради меня пойдешь на все?

– Конечно.

– Хорошо. Ловлю тебя на слове и прошу одного: будь честен. Да, только честен и больше ничего. Я взяла тебя и малышей потому, что все вы сироты, как и я. И сиротами сделала нас война. Вот уж два года, как мы бродим по белу свету. Зарабатываем плохо, но не голодаем. И я хочу одного, чтобы все мы всегда были чистыми, простыми и честными. А ты уж третий раз попадаешься в воровстве. И каждый раз уверяешь, что воруешь ради меня. Скажи мне по совести, будешь ли ты еще воровать или нет? Если нет – я тебя прощу. Иначе – ступай на все четыре стороны.

Она говорила нервно и решительно. Кантэн понял, что она не шутит, и, волнуясь, спросил:

– Значит, ты меня прогоняешь, хочешь, чтобы я ушел?

– Нет. Но дай слово, что это больше никогда не повторится.

– Ладно.

– Хорошо. Не будем вспоминать об этом. Ты как будто обещаешь серьезно. А теперь возьми серьги и спрячь в фургон, в большую корзину. На будущей неделе мы пошлем их обратно по почте. Это, кажется, замок Шаньи?

– Да, я там видел фотографии с надписью «Замок Шаньи».

Мир и дружба были восстановлены, и без всяких приключений они дошли до фургона. Только два-три раза им пришлось сворачивать в кусты, чтобы не попасться на глаза встречным крестьянам. Подходя к фургону, Кантэн остановился и стал прислушиваться. Доротея жестом успокоила его:

– Не бойся. Это дерутся Кастор и Поллукс.

Кантэн бросился к фургону.

– Кантэн, не смей их трогать! – крикнула девушка вдогонку.

– Хватит и на твою долю.

– Они мои, и я могу их бить. А ты не смей. Мальчишки устроили дуэль на деревянных саблях.

Заметив Кантэна, они прекратили драку и бросились на общего врага, но, не очень доверя своим силам, стали звать Доротею:

– Доротея! Прогони Кантэна! Он хочет нас поколотить! Доротея!

Появилась Доротея, и Кантэн оставил мальчиков в покое, а Доротея подняла с ними веселую возню. Помирив драчунов, она строго спросила:

– А капитан? Вы, верно, разбудили его своим криком.

– Капитан спит как мертвый. Слышишь, как храпит?

В стороне, при дороге, мальчики развели костер и сварили суп. Все четверо плотно позавтракали и выпили по чашке кофе.

Доротея никогда не хозяйничала. Кантэн, Кастор и Поллукс делали все сами, ревнуя Доротею друг к другу. Из ревности были и вечные драки между Кастором и Поллуксом. Достаточно было Доротею посмотреть на одного из них нежнее, как дружба краснощеких мальчуганов моментально превращалась в ненависть. С другой стороны, Кантэн искренне ненавидел мальчуганов, и, когда Доротея их ласкала, он готов был свернуть им шею. Ведь его, Кантэна, Доротея не целовала никогда. Он должен был довольствоваться веселой улыбкой, шуточкой, самое большее – ласковым шлепком по плечу. Впрочем, Кантэн и этим был доволен, и ему казалось, что о большем нельзя и мечтать. Кантэн умел любить, дорожить лаской и быть преданным как собака.

– Теперь займемся арифметикой, – скомандовала Доротея. – А ты, Кантэн, сейчас можешь немного поспать.

Мальчуганы достали книжки, тетради. После арифметики Доротея стала им рассказывать о первых Меровингах; потом повела беседу о планетах и звездах. Мальчики слушали ее, как волшебную сказку. Кантэн растянулся на траве и тоже слушал, стараясь не заснуть. Доротея была прекрасной учительницей. Она так увлекательно рассказывала, что все, о чем бы ни заходила у нее речь, крепко западало в головы учеников.

К десяти часам Доротея приказала запрягать. До ближайшего местечка было довольно далеко, и надо было торопиться, чтобы не опоздать и захватить на ярмарочной площади местечко получше.

– А капитан еще не завтракал, – сказал Кастор.

– Тем лучше, – возразила Доротея. – Он и так слишком объедается. Пусть отдохнет от еды. А потом, если не дать ему выспаться, он будет целый день таким несносным, что... Ну, поворачивайтесь, пусть спит, – оборвала она себя.

Фургон скоро тронулся в путь. Одноглазая пегая кобыла по имени Кривая Ворона медленно тащила его по дороге. Фургон громыхал железом, бочками, ящиками и разным жалким домашним скарбом. Он был заново выкрашен, и на его боках красовалась надпись: «Цирк Доротеи. Карета дирекции». Эта надпись придумана для того, чтобы легковерная публика воображала, что это лишь один из фургонов цирка, за которым идут другие с артистами, музыкантами и дикими зверями.

Кантэн с хлыстом шагал рядом с лошадей. За ним шла Доротея с мальчуганами. Она пела песни и рвала цветы по откосам дороги.

Через полчаса, на перекрестке, Доротея внезапно остановилась и крикнула:

– Стой!

– В чем дело? – спросил удивленно Кантэн.

Доротея внимательно рассматривала надпись на придорожном столбе и ответила, не оборачиваясь:

– А вот посмотри.

– Зачем смотреть: надо ехать направо. Я справлялся по карте.

– Нет, посмотри, – настойчиво повторила Доротея. – Видишь: «Шаньи – два километра».

– Что же тут странного? Это, верно, деревушка возле вчерашнего замка.

– Лучше прочти до конца. «Шаньи – два километра. Замок Роборэй». – И с каким-то трепетом Доротея несколько раз повторила последнее слово: – Роборэй. Роборэй.

– Значит, деревня называется Шаньи, а замок – Роборэй, – догадался Кантэн. – Но все-таки в чем дело?

– Ничего... Почти ничего, – ответила не сразу девушка.

– Нет, ты чем-то заинтригована.

– Так... Простое совпадение.

– Какое совпадение? С чем?

– С именем Роборэй.

– А именно?

– Это имя так врезалось в мою память. Я услышала его при таких ужасных обстоятельствах.

– Каких?

Кантэн был не на шутку встревожен словами Доротеи. А она ушла в себя, задумалась, и скорбная складка легла между ее бровями.

– Ты знаешь, Кантэн, – сказала она наконец, – что мой папа умер от раны в Шартрском госпитале в начале войны. Меня вызвали к нему, но я не застала его в живых. Некоторые раненые, его соседи по койке, рассказывали мне об его последних минутах. Он бредил и все время повторял одно и то же слово: «Роборэй, Роборэй». Даже в агонии это слово не сходило с его уст: «Роборэй, Роборэй...»

– Да, – припомнил Кантэн, – я помню. Ты часто рассказывала мне про это.

– А потом, – продолжала Доротея задумчиво, – я долго ломала себе голову, что бы это могло означать. Я не знаю, что вспоминал перед смертью папа, а раненые уверяли, что он произносил это слово со страхом и тревогой. Теперь ты понимаешь, Кантэн, что, прочитав это слово на столбе и узнав, что так называется замок, я захотела...

Кантэн испуганно перебил Доротею:

– Неужто ты хочешь отправиться в замок?

– А почему не попробовать?

– О Доротея! Ведь это – безумие!

Девушка задумалась. Кантэн понимал, что она не отказалась от своего плана, и уж собиравшись привести ей новые доводы, чтобы во что бы то ни стало отговорить ее, как вдруг подбежали Кастор и Поллукс с неожиданным известием:

– Доротея, Доротея, сюда свернули три ярмарочных балагана!

Действительно, на дороге в Роборэй показались три пестрых фургона. Это были товарищи и конкуренты Доротеи. На одном из фургонов была надпись: «Черепашьи бега», на другом – «Тир», на третьем – «Игра в черепки».

Проходя мимо Доротеи, хозяин «Тира» вежливо поклонился и спросил:

– Вы тоже туда?

– Куда? – переспросила Доротея.

– В замок. Там сегодня устраивают народное гулянье. Если хотите, я могу занять для вас место.

– Да, да, пожалуйста. Спасибо, – ответила девушка.

Когда фургоны отъехали на порядочное расстояние, Доротея обернулась к Кантэну. Он был бледен как мертвец.

– Кантэн, что с тобой? Ты весь дрожишь, – воскликнула она невольно.

– Жандармы! Там! Смотри!

Из леса показались два конных жандарма. Они проскакали мимо фургона и свернули на дорогу в замок, не обратив на Доротею и ее спутников никакого внимания.

– Видишь, – улыбнулась Доротея, – они совсем не думают о нас.

– Но они едут в замок.

– Так что? Там устраивают народное гулянье и двое жандармов нужны для порядка.

– А если в замке обнаружили кражу и позвонили в жандармерию?

– Едва ли. Пропажу заметят вечером, когда графиня начнет одеваться.

– Но все-таки, Доротея... Ради бога, не ездь туда, – умолял испуганный Кантэн. – Увидишь, мы непременно попадем в ловушку. И потом этот тип, который прыгнул в яму... Он может меня узнать.

– Глупости. Ты был неузнаваем. Самое большее, что он может придумать, это арестовать огородное чучело в сюртуке и цилиндре.

– А если вдруг начнется обыск и у нас найдут серьги?

– Подбрось их в парк, в кусты. А я погадаю на картах, и дама отыщет пропажу. Мы будем иметь колоссальный успех.

– Но если случайно...

– Да замолчи ты! Если, если... Я хочу видеть замок, который зовется Роборэй, – и баста! Едем!

– Но я боюсь и за себя и за тебя!

– Оставайся.

Кантэн пожал плечами, задумался, потом щелкнул бичом и сказал решительно:

– Ладно. Будь что будет. Едем!

Глава 2

Цирк Доротеи

Замок Роборэй находился в самой живописной части департамента Ори недалеко от Домфрона. С восемнадцатого века он назывался Роборэем, а раньше его звали так же, как и соседнюю деревушку, Шаньи. Деревенская площадь Шаньи была как бы продолжением барского двора. И, если ворота замка бывали открыты, эта площадь казалась очень большой и просторной. В круглом внутреннем дворе были устроены солнечные часы и старинный каменный фонтан со скульптурами сирен и дельфинов.

Цирк Доротеи с музыкой проехал через деревню, то есть Кастор и Поллукс важно шагали перед фургоном и изо всех сил дули в медные трубы, стараясь выдуть из них как можно больше фальшивых нот. Кантэн тащил плакат с объявлением, что представление начнется в три часа, а Доротея стояла на крыше фургона и торжественно правила Кривой Вороной с таким видом, точно это была по крайней мере королевская колесница.

На площади уже стояло несколько фургонов и карет. Наскоро разбивали балаганы, ставили карусели, качели, игры...

Зато цирк Доротеи не делал никаких приготовлений. Доротея отправилась в мэрию за разрешением, Кантэн распряг лошадь, а мальчуганы занялись стряпней. Капитан все еще спал.

К полудню на площади появилась публика – крестьяне и торговцы из Шаньи и окрестных деревень. Кантэн, Кастор и Поллукс дремали в глубине фургона. Пообедав, Доротея снова исчезла. Она прошла по краю утеса, подошла к обрыву, по которому карабкался утром Кантэн, погуляла в парке, потолкалась среди народа.

– Ну что? – спросил Кантэн, когда она вернулась. – Разузнала ты что-нибудь интересное?

– Да, кое-что. Оказывается этот замок долго был необитаем. Теперешний его хозяин, граф Октав де Шаньи. Последний потомок их рода. Сейчас ему лет сорок-сорок пять, и он женат на миллионерше. Раньше они здесь не жили и только после Версальского мира отремонтировали замок и вчера справили новоселье. Вот почему были гости, а сегодня устраивается народное гулянье.

– Ну а насчет названия Роборэй ты ничего не разнюхала?

– Нет, ни словечка. Я даже не знаю, почему папа вспоминал о нем перед смертью.

– Значит, мы уедем отсюда сейчас же после представления. Да? – приставал Кантэн, только и думавший о том, как бы поскорее выбраться из опасного места,

– Не знаю. Посмотрим. Я все-таки заметила здесь много странного.

– Относящегося к твоему отцу?

– Нет, – ответила она нерешительно. – Нет, совсем другое... Я просто хочу объяснить себе эти странности. Видишь ли, если в деле бывает темное место, то нужно как можно больше узнать, что за ним скрывается. И мне хотелось бы узнать побольше...

Она умолкла, задумалась, потом сказала, взглянув в глаза Кантэну:

– Ты знаешь, какая я осторожная и благоразумная. И ты знаешь, какой у меня нюх и глаз. Я вижу, я чувствую, что мне просто необходимо здесь остаться.

– Почему, из-за названия Роборэй?

– Из-за названия и по другим причинам. Я боюсь, что мне придется действовать, даже решиться на довольно опасные и неожиданные вещи.

Кантэн смотрел на нее во все глаза.

– Я ничего не понимаю, – сказал он наконец, – объясни, пожалуйста.

– Ничего особенного. Человек, которого я прихлопнула в яме, гостит в замке.

– Что ты! Здесь... Ты его видела? Он привел жандармов?

Доротея улыбнулась.

- Покамест нет. Но все может быть. Куда ты спрятал серьги?
- Я положил их на дно большой корзины, в картонную коробочку с сургучной печатью.
- Хорошо. Как только мы кончим представление, ты отнесешь их туда, в кусты рододендронов, между решеткой сада и каретным сараем.
- Разве хватились серег?
- Нет еще. По-видимому, ты попал в будуар графини. Я перезнакомилась с горничными и долго говорила с ними. Про кражу ничего не слышно. Стой, – прервала себя Доротея. – Посмотри, кажется, к тира подошли хозяева. Верно, эта красивая блондинка – графиня.
- Да, я ее сразу узнал.
- Прислуга ее очень хвалит. Говорят, что она добрая и простая. Зато графу от всех достается: все считают его несимпатичным человеком.
- Кантэн тревожно вглядывался в группу у тира и спросил:
- Там трое мужчин. Который муж графини?
- Важный, полный, в сером костюме. Смотри, смотри, он взял ружье. А те двое, кажется, родственники. Высокий, с бородкой, в роговых очках живет здесь целый месяц, а молодой, в бархатной куртке и гетрах, приехал вчера.
- Странно, они смотрят на тебя, как на знакомую.
- Потому что я говорила с ними. Бородатый даже пробовал за мной поухаживать.
- Кантэн вспыхнул и собирался что-то выпалить, но Доротея быстро его укротила:
- Тише. Побереги силы. Борьба начинается. Подойдем к ним поближе.
- Вокруг тира собралась толпа. Всем хотелось посмотреть, как стреляет хозяин замка, слывший хорошим стрелком. Он выпустил двенадцать пуль, и все они попали в картонный круг мишени. Раздались аплодисменты. Из ложной скромности граф протестовал:
- Оставьте, опыт неудачен. Ни одна не попала в центр.
- Нет навыка, – сказал кто-то за его спиной.
- Доротея успела пробраться к самому стрелку и сказала это с таким видом знатока, что все невольно улыбнулись. Бородатый господин в очках представил ее графу и графине:
- Мадемуазель Доротея, директриса цирка.
- Доротея поклонилась. Граф, покровительственно улыбаясь, спросил ее:
- Вы критикуете меня как директриса цирка?
- Нет, как любительница.
- А... Разве вы тоже стреляете?
- Иногда.
- В крупную цель?
- Нет, в мелкую. Например, в брошенную монетку.
- И без промаха?
- Разумеется.
- Но, несомненно, пользуетесь прекрасным оружием?
- Напротив. Хороший стрелок должен справиться с каким угодно. Даже с такой допотопной штукой, как эта.
- Она взяла с прилавка какой-то старый, ржавый револьвер, зарядила его и прицелилась в картонный круг, в который стрелял де Шаньи.
- Первая пуля попала в центр, вторая – на полсантиметра ниже, третья – в первую.
- Граф был ошеломлен:
- Это поразительно! Она даже не прицелилась толком. Что вы на это скажете, Эстриейхер!
- Эстриейхер пришел в восхищение.
- Неслыханно! Сказочно! Мадемуазель, вы можете составить себе состояние.
- Доротея, не отвечая, выпустила еще три пули, потом бросила револьвер и громко объявила:

– Господа! Имею честь вам сообщить, что представление в моем цирке начинается. Кроме стрельбы в цель, вы увидите танцы, вольтижировку, акробатику, фейерверк, бой быков, гонку автомобилей, крушение поезда, пантомиму и много других номеров. Мы начинаем!

Доротея преобразилась. С этой минуты она стала воплощением подвижности, изящества и веселья. Кантэн огородил перед фургоном круг, вбил в землю несколько колышков с кольцами и продел через них веревку. Для хозяев замка Кантэн расставил стулья, остальные разместились вокруг арены – кто на простых скамьях, кто на бочках или ящиках, а кто и просто стоя.

Первой вышла Доротея. Меж двух невысоких столбов натянули канат. Она прыгала по канату как мячик, ложилась на него, качаясь, точно в гамаке, снова вскакивала, бегала взад и вперед, кланялась на все стороны. Потом спрыгнула на землю и стала танцевать.

В ее танцах не было ничего заученного. Казалось, что каждая поза, каждый жест – вдохновенная импровизация. Это не был танец одного настроения или народа. Тут были все нации и все темпераменты. Вот танцует англичанка из лондонских окраин. Вот огнеглазая испанка с кастаньетами. Она плавно скользила в русской, вихрем кружилась в камаринской, и тут же превращалась в женщину из бара, танцующую тягучее сладострастное танго.

И как просто выходило все это: легкое, чуть уловимое движение, слегка подхваченная шаль или прикосновение к прическе – и вся она преображалась. Через край разливалась кипучая здоровая молодость, страсть становилась стыдливой, восторг сменялся застенчивой нежностью. И во всем и всегда она оставалась прекрасной.

Вместо музыки глухо рокочет барабан под палками Кастора и Поллукса. Молча смотрит зачарованная публика, восхищенная изменчивой пляской. Вот на арене мальчишка-апаш. Но оторвешься на мгновение, а на арене – кокетливая, изнеженная дама, танцующая с веером жеманный менуэт. И кто она, эта волшебница? Ребенок? Женщина? И сколько лет ей: пятнадцать, двадцать или больше? Доротея остановилась. Раздались аплодисменты. А она мигом взобралась на фургон и повелительно крикнула публике:

– Тише! Капитан проснулся!

Позади козел была низкая, узкая корзина, похожая на будку. Доротея подняла крышу и спросила:

– Капитан Монфокон. Неужто вы до сих пор не проснулись? Да отвечайте же, капитан! Публика вас ждет.

Она сняла крышку, и оказалось, что это не будка, а уютная колыбелька, в которой сладко спал краснощекий бутуз лет шести-семи. Он сладко зевал и тянулся ручонками к Доротее. Доротея наклонилась к нему и нежно его расцеловала. Потом обернулась к Кантэну:

– Барон де Сен-Кантэн. Будем продолжать программу. Сейчас выход капитана Монфокона. Приготовьтесь и дайте ему поесть.

Капитан Монфокон был комиком труппы. Он был одет в форму американского солдата, шитую на взрослого человека. Полы его френча волочились по земле, брюки были засучены до колен. Это было очень неудобно, и малыш не мог ступить ни шагу, чтобы не запутаться и не упасть, растянувшись во весь рост на земле. Комизм его выхода и таился в этих непрерывных падениях и в бесстрастной серьезности, с какой малыш поднимался и снова падал.

Кантэн подал ему хлыст, ломоть хлеба, густо намазанный вареньем, и подвел Кривую Ворону. Капитан набил рот хлебом, измазав всю мордашку вареньем, взял хлыст и важно вывел коня на арену.

– Перемени ногу, – важно командовал он с набитым ртом. – Танцуй польку. Так... По всему кругу. На дыбы. Теперь падеспань. Хорошо... Прекрасно...

Пегая одноглазая кобыла, возведенная на старости лет в чин цирковой лошади, понуро семенила по арене, совершенно не слушая команды капитана. Впрочем, капитан не смущался непослушанием лошади. Беспрестанно спотыкаясь и падая, снова поднимаясь и жадно уплетая свой завтрак, он все время оставался невозмутимым, и это взаимное равнодушие старой

лошади и маленького карапуза было так забавно, что даже Доротея звонко хохотала, заражая зрителей своим непритворным весельем.

– Прекрасно, господин капитан, – подбодряла она ребенка. – Великолепно, а теперь мы исполним драму «Похищение цыганки». Барон де Сен-Кантэн исполнит «гносного похитителя».

«Гнусный похититель» с диким ревом бросился на Доротею, схватил ее, перекинул через седло, вскочил на коня. Невозмутимая кобыла так же медленно и понуро семенила по арене. Но Кантэн изображал лицом и позой бешено скачущего всадника. Припав к седлу, он иступленно кричал:

– Галопом! Карьером! Погоня!

А капитан все так же невозмутимо вытащил из-за пояса игрушечный пистолетик и выстрелил в «гносного похитителя». Кантэн кубарем скатился с седла, а освобожденная цыганка подбежала к своему избавителю и крепко расцеловала его в обе щеки.

Потом Кантэн показывал партерную гимнастику. Были и другие номера, в которых участвовали Кастор и Поллукс. Все было мило, весело, остроумно.

– Капитан Монфокон, возьмите шляпу, произведите в публике сбор. А вы, Кастор и Поллукс, – командовала Доротея, – бейте громче в барабан, чтобы заглушить звон золота, падающего в шляпу!

Капитан с огромной шляпой обошел публику, бросавшую ему медь и смятые кредитки. Потом Доротея вскочила на крышу фургона и произнесла прощальную речь.

– Благодарю вас, господа! С искренним сожалением покидаем мы ваше гостеприимное местечко. Но прежде чем уехать, мы считаем долгом сообщить почтеннейшей публике, что мадемуазель Доротея (она церемонно поклонилась при этом) – не только директриса цирка и первоклассная артистка. Она обладает редким даром ясновидения и чтения чужих мыслей. По линиям руки, на картах, по почерку, звездам и кофейной гуще она открывает все сокровенное. Она рассеивает тьму, она разгадывает тайны и загадки. С помощью своей волшебной палочки она в покинутых развалинах, под камнями старинных замков, в заброшенных колодцах и подземельях отыскивает давным-давно запрятанные клады, о существовании которых не знает никто. Кто ищет их – тому она, несомненно, поможет.

Закончив речь, Доротея спустилась на землю. Мальчики уже укладывали вещи. Кантэн подошел к ней и зашептал испуганно:

– За нами следят. Жандармы не спускают с цирка глаз.

– Разве ты не слышал моей речи!

– А что?

– А то, что к нам придут за советом, к Доротее ясновидящей. А вот и клиенты: бородастый и тот, другой, в бархатной куртке.

Бородач был восхищен. Он рассыпался перед Доротеей в любезностях, потом представился ей:

– Максим Эстрейхер.

И представил своего друга:

– Рауль Дювернуа.

Затем оба молодых человека пригласили Доротею от имени графини де Шаньи пожаловать в замок на чашку чая.

– Вы просите меня одну? – лукаво спросила Доротея.

– Конечно, нет, – возразил Рауль Дювернуа с вежливым, почти изысканным поклоном. –

Моя кухня будет рада видеть и ваших юных товарищей. Надеюсь, вы нам не откажете.

Доротея пообещала быть, только переоденется и приведет себя в порядок.

– Нет-нет, не переодевайтесь, – просил Эстрейхер. – Приходите так, в этом костюме. Он вам очень к лицу, а главное – ничего не скрывает и подчеркивает грацию и красоту вашей фигуры.

Доротея покраснела и сухо отрезала:

– Я не люблю комплиментов.

– Помилуйте! Разве это комплименты, – возразил Эстрейхер, не скрывая иронии. – Это только должная дань вашей красоте.

Когда молодые люди удалились, Доротея пальцем подманила Кантэна и сказала, смотря им вслед:

– Будь осторожен с бородатым.

– Почему?

– Он хотел подстрелить тебя сегодня утром.

Кантэн чуть не упал в обморок.

– Не может быть. Ты не ошиблась? – пролепетал он со страхом.

– Нет. Та же походка и так же волочит левую ногу.

– Неужто он узнал меня?

– Может быть. Увидев твои прыжки на арене, он, верно, вспомнил того дьявола, который утром лазил по канату. А от тебя перешел ко мне и догадался, что это яхватила его камнем по черепу. Я вижу по его глазам, что он все понял. Какая гнусная у него манера лезть с пошлостями и при этом насмешливо улыбаться.

Кантэн вспыхнул:

– И ты еще хочешь остаться! Ты смеешь еще оставаться.

– Смею.

– Несмотря на бородатого?

– Ведь он понял, что я его разгадала.

– Чего ты хочешь?

– Хочу погадать им и заинтересовать их.

– Зачем?

– Чтобы заставить проболтаться.

Кантэн был окончательно сбит с толку.

– О чем же?

– О том, что меня интересует.

– А если обнаружится кража? Если нас потащат на допрос?

Терпение Доротеи лопнуло:

– Если ты такой трус, возьми у капитана деревянное ружье и стань на караул у фургона. А когда появятся жандармы – пали в них пробками! Понял?

Доротея быстро привела себя в порядок и пошла в замок. Рядом с ней шагал долговязый Кантэн и рассказывал все подробности своего ночного приключения. Сзади шли Кастор и Поллукс, а за ними – капитан, тащивший повозку, нагруженную его незатейливыми игрушками.

Приняли их в главной гостиной замка. Прислуга сказала правду: графиня была славная, сердечная женщина. Она ласково угощала мальчиков сладостями и была очень мила с Доротеей.

Доротея совсем не казалась смущенной. В гостиной она держала себя скромно, но так же непринужденно, как и в фургоне. Она даже не нарядилась, только поверх своего скромного платья набросила шелковую шаль и перехватила ее поясом. Приличные, полные достоинства манеры, умный выразительный взгляд, литературные обороты, в которых только изредка вкрадывались народные словечки, веселая подвижность – все восхищало графиню и ее мужа.

– Не вы одна, я тоже могу предсказывать, – заявил Эстрейхер. – По крайней мере за ваше будущее я ручаюсь. Я уверен, мадемуазель Доротея, что вас ждет слава и богатство. И если бы

вам захотелось попасть в Париж, я бы с радостью согласился покровительствовать вам. У меня есть связи и я гарантирую вам блестящую карьеру.

Она покачала головой:

- Мерси. Мне ничего не нужно.
- Может быть, я вам неприятен?
- Вы мне ни неприятны, ни приятны. Я просто вас не знаю – вот и все.
- Жаль. Если бы вы знали меня – вы бы мне верили.
- Сомневаюсь.
- Почему?

Она взяла его руку и стала рассматривать линии.

- Распутство. Жажда наживы. Совести нет.
- О... Я протестую. У меня? Нет совести!
- Это показывает ваша рука.
- А что говорит моя рука о моем будущем? Ждет ли меня удача?
- Нет.
- Как... Я никогда не разбогатею?
- Боюсь, что нет.
- Черт побери! А когда я умру?
- Скоро.
- Вот как! И долго буду болеть?
- Нет. Всего несколько секунд.
- Значит, я погибну от несчастного случая?
- Да.
- Каким образом?

Доротея провела пальцем по какой-то линии ладони.

- Посмотрите, – сказала она. – Видите эту линию у основания указательного пальца?
- Вижу. А что это значит?
- Виселица.

Все расхохотались. Эстрейхер притворился, будто его очень забавляет хиромантия, а граф Октав захлопал в ладоши:

– Bravo, bravo! Уж если вы предсказали этому развратнику петлю, значит, вы настоящая ясновидящая, и я больше не стану сомневаться. – Он переглянулся с женой и продолжал: – Да, да, не стану сомневаться и прямо скажу...

– Причину, из-за которой вы пригласили меня в гости, – подхватила Доротея.

– Что вы, – возразил граф, чуть-чуть смутившись. – Мы пригласили вас потому, что хотели иметь удовольствие побеседовать с вами.

– И испытать мои способности ясновидящей.

– Ну да, – вмешалась графиня. – Ваша прощальная речь нас заинтересовала. Признаюсь, мы не верим во всякие волшебства, но хотим задать вам несколько вопросов, так сказать, из пустого, несерьезного любопытства.

– Хорошо. Хоть вы и не верите в мои способности, я все-таки удовлетворю ваше любопытство.

Графиня удивилась:

- Каким образом?
  - Отвечая на ваши вопросы.
  - Под гипнозом?
  - Зачем? По крайней мере, сейчас гипноз не нужен. А что будет дальше – посмотрим.
- Доротея отослала детей в сад, оставила только Кантэна и под села к графине.
- Я к вашим услугам.

Графиня замялась:

– Я, право, не знаю...

– Говорите прямо, графиня. Не стесняйтесь.

– Ну, хорошо.

И подчеркнуто легкомысленным тоном, стараясь показать, что все это пустяки, которым никто не придает значения, графиня продолжала:

– Вы говорили о забытых кладках, о спрятанных под камнями сокровищах. Наш замок существует несколько веков. В нем, вероятно, не раз разыгрывались разные драмы, бывали бои и разные происшествия. И вот нам хотелось бы знать, не спрятал ли кто-нибудь из наших предков один из тех сказочных кладов, на которые вы намекали.

Доротее задумалась и не сразу ответила.

– Я всегда отвечаю, – сказала она наконец, – с большей или меньшей точностью, если мне вполне доверяют. Но если говорят недомолвками и не прямо ставят вопрос...

– Какие недомолвки... Уверю вас...

Но Доротее не сдавалась:

– Вы мне сказали, что спрашиваете меня из пустого любопытства. Но почему же никто мне не сказал о том, что в замке уже производятся раскопки.

– Может быть, раскопки и производились, – вмешался граф, – но давно, несколько десятков лет назад, при покойном отце или деде.

– Нет, – настаивала Доротее. – Недавно производились раскопки.

– Не может быть. Мы живем здесь не более месяца.

– Я говорю не о месяцах, а о нескольких днях, даже часах.

– Уверю вас, – с живостью заговорила графиня, – что никто из нас не начинал раскопок.

– Значит, раскопки производятся кем-то другим и без вашего ведома.

– Кем? С какой стати? Где? – спрашивала графиня с непритворным волнением.

Доротее умолкла, задумалась и ответила не сразу:

– Извините, если я вмешиваюсь в чужие дела. Это один из моих недостатков. Недаром Кантэн вечно твердит мне, что рано или поздно попаду в неприятную историю... Сегодня мы приехали задолго до представления, и я пошла немного побродить. Гуляя, я нечаянно обратила внимание на кое-какие мелочи, потом задумалась, сопоставила их и сделала выводы.

Хозяева и гости переглянулись. Видно было, что они не на шутку заинтригованы.

– Я рассматривала, – продолжала Доротее, – прелестный старинный фонтан посреди внутреннего двора. Долго любовалась скульптурой и вдруг заметила, что мраморные плиты бассейна недавно поднимались. Не знаю, добились ли искавшие толку, но камни и землю они аккуратно поставили на место, но все-таки не настолько аккуратно, чтобы скрыть следы своих раскопок.

Граф и гости снова переглянулись. И один из гостей спросил:

– Может быть, ремонтировали бассейн или исправляли канализацию?

– Нет, – решительно ответила графиня. – Фонтана не трогали.

И, обернувшись к Доротее, спросила:

– Вы, вероятно, заметили не только это?

– Да, – ответила Доротее. – Такие же раскопки были недавно и на площадке, где выступают камни утеса. Ломали камень и сломали лом, конец которого до сих пор торчит из щели утеса.

– Странно, – нервно заговорила графиня. – Почему они выбрали именно эти два места? Чего они ищут? Чего хотят? Вы ничего не заметили особенного?

Не задумываясь и медленно отчеканивая слова, как бы желая этим подчеркнуть, что сейчас идет речь о самой сути дела, Доротее ответила:

– Об этом написано на самом памятнике. Вы видите капитальную колонну фонтана, окруженную сиренами? Так вот, на одной из сторон этой колонны есть почти стертая надпись.

– Почему же мы никогда ее не замечали? – вскрикнула графиня.

– А все-таки она существует. Буквы стерлись и почти слились с мрамором. И все-таки одно слово, целое слово уцелело, и его легко можно прочесть.

– Какое слово?

– Слово «Fortuna».

Три слога – For-tu-na – отчетливо прозвучали в тишине огромной гостиной. Граф глухо повторил эти три слога, а Доротея продолжала:

– Да, слово «Фортуна». И это же слово написано на камне фундамента, опирающегося на ту скалу. Там буквы еще более стерты, и их скорее угадываешь, чем читаешь. Но все-таки все буквы налицо.

Пораженный граф сорвался с места, и, когда Доротея договорила последнюю фразу, он уже летел по двору к фонтану. Он бросил беглый взгляд на капитель, затем помчался к обрыву и скоро вернулся обратно. Все с нетерпением бросились к нему:

– Да, – сказал он тревожно, – раскопки были и тут, и там. И слово «Fortuna», которого мы до сих пор не замечали, можно легко прочесть... Значит, искали и нашли.

– Нет, – твердо возразила Доротея.

– Почему вы так думаете?

Она не сразу ответила. Пристально взглянула на Эстрейхера, поймала его взгляд на себе. Эстрейхер уже не сомневался, что она его разоблачила и понимал, куда она клонит. Он только не знал, решится ли Доротея вступить с ним в открытую борьбу. А главное, он не знал, во имя чего она затевает всю эту историю. Он отвел глаза в сторону и повторил вопрос графини:

– Да, интересно знать, почему вы утверждаете, что ничего не нашли?

Доротея приняла вызов:

– Потому что поиски продолжаются. В овраге, под стенами замка, среди камней, оторвавшихся от утеса, есть старый обтесанный камень, оставшийся от разрушенной постройки. Слово «Fortuna» вырезано и на нем. Этот камень на днях поднимали: это видно по свежеразрытой земле и по чьим-то следам вокруг камня.

Глава 3

Ясновидящая

Последние слова Доротеи поразили супругов Шаньи. Наклонившись друг к другу, они о чем-то шептались с Дювернуа и Эстрейхером. Бедный Кантэн забился, дрожа от страха, в угол дивана. Он слышал разговор об овраге, о камне и решил, что Доротея сошла с ума. Зачем она выдает человека, копавшего яму! Наводя на его след, она бросает тень на себя и готовит себе ловушку. Как это глупо, как безумно!

Между тем Доротея оставалась совершенно спокойной. Она шла к твердо намеченной цели, а все остальные были смущены и напуганы.

– Ваши выводы нас сильно взволновали, – заговорила наконец мадам де Шаньи. – Они показывают, как вы наблюдательны. И я прямо не знаю, как благодарить вас за ваше сообщение.

– Вы так тепло нас приняли, графиня, что я сочла своим долгом оказать вам эту маленькую услугу.

– Не маленькую, а огромную, – перебила графиня. – Я только прошу вас закончить то, что вы начали.

Доротея казалась немного удивленной:

– Я не совсем понимаю... Что именно я могу еще сделать?

– Сказать нам все, все.

– Уверяю вас, что я больше ничего не знаю.

– Но можете узнать.

– Каким образом?

Графиня слегка улыбнулась.

– Благодаря вашему дару ясновидения, о котором вы сегодня говорили.

– И которому вы не верите.

– Которому я готова теперь поверить.

Доротея наклонила голову.

– Хорошо. Но это только опыт. А опыты не всегда удаются.

– Попробуем все же.

– Извольте. Но я заранее прошу снисхождения, если мы ничего не добьемся.

Она взяла у Кантэна носовой платок и крепко завязала себе глаза.

– Чтобы стать ясновидящей, – сказала она, – надо сперва ослепнуть, потому что чем меньше я смотрю, тем больше вижу. – И прибавила серьезно: – Спрашивайте, графиня. Постараюсь ответить.

– По поводу того, о чем мы только что говорили?

– Да.

Доротея облокотилась на стол и крепко сжала виски.

– Скажите прежде всего, – спросила мадам де Шаньи, – кто производил раскопки около фонтана и на краю обрыва?

Доротея молчала. Казалось, что она уходит в себя, отрывается от окружающего. Через несколько минут она заговорила. Голос звучал глухо, но без фальши, обычной для цирковых сомнамбул.

– На площади я ничего не вижу. Туман мешает разглядеть. Давно это было. Зато в овраге...

– В овраге? – переспросила графиня.

– В овраге. Каменная плита поднята стоймя. В яме стоит человек и копает.

– Кто это? Как он одет?

– Он в длинной блузе.

- А лицо?
- Не видно. Голова обмотана шарфом. Даже уши завязаны. Вот он кончает работу, опускает плиту на место и уносит лопату.
- Лопату? Только лопату?
- Да, он ничего не откопал.
- Вы в этом уверены? Куда он направился?
- Прямо наверх, к воротам над обрывом.
- Не может быть: они закрыты.
- У него есть ключ. Вот он вошел. Рассвет. Все спят. Он направился к оранжерее. Там есть маленькая комнатка...
- Где садовник складывает свои инструменты... – прошептала графиня.
- ...и ставит лопату в угол, снимает блузу, вешает ее на гвоздь.
- Не может быть. Но это не садовник, – почти закричала графиня. – Лицо? Вы видите лицо?
- Нет. Нет. Он не снимает шарфа.
- Тогда во что он одет?
- Во что одет? Не вижу. Он уходит.
- Доротея умолкла, как будто все ее внимание было сосредоточено на том, чей силуэт растаял в тумане как призрак.
- Я ничего не вижу, – повторила она. – Ничего. Впрочем, нет, вижу. Вот главный подъезд замка. Тихо открывается дверь. Вот лестница и длинный коридор. Совсем темно. Но все же смутно видно. На стенах картины: охотники, всадники в красных костюмах. Человек наклоняется к дверям, ищет замок, потом входит.
- Значит, это прислуга, – глухо сказала графиня. – Второй этаж. Там коридор и картины. Ну что же, куда он вошел?
- Темно. Занавески спущены. Он зажигает карманный фонарик, осматривается. Видит камин, над ним – календарь и большие часы ампир с золотыми колоннами.
- Мой будуар, – прошептала графиня.
- На часах без четверти шесть. Человек идет к противоположной стене. Там мебель из красного дерева и несгораемый шкаф. Он открывает шкаф...
- Все слушали Доротею, затаив дыхание. Никто не перебивал ее. Как не поверить в колдовство, если эта девушка, никогда не бывавшая в будуаре графини, так верно описывает, что в нем находится.
- Мадам де Шаньи совершенно растерялась.
- Но шкаф был заперт, – оправдывалась она сама перед собой. – Я в этом уверена. Я спрятала драгоценности и заперла его на ключ. Я даже помню, как звякнул замок.
- Да, заперли, но ключ оставили в замке.
- Так что: я переставила буквы.
- И все-таки ключ повернулся.
- Не может быть!
- Нет, повернулся. Я ясно вижу буквы.
- Три буквы. Вы их видите?
- Конечно. Первая – Р, вторая – О, третья – Б, то есть первые буквы слова Роборэй. Шкаф открывается. В нем – шкатулка. Человек раскрыл ее и вынул...
- Что? Что он взял?
- Серьги.
- Сапфировые? Два сапфира?
- Да, мадам, два сапфира.

Графиня порывисто вскочила и бросилась к дверям. За ней граф и Рауль Дювернуа. И Доротея расслышала, как граф сказал на ходу Раулю:

– Если только это правда, дело становится более чем странным.

– Да, более чем странным, – повторил Эстрейхер.

Он тоже бросился к дверям и вернулся обратно, видимо, желая поговорить с Доротеей. Доротея сняла платок и шурилась от яркого света. Бородатый пристально смотрел ей в глаза. Она тоже глянула на него смело и пристально.

Эстрейхер постоял мгновение, снова направился к выходу, потом раздумал, остановился, погладил бороду. Насмешливая улыбка поползла по его губам.

Доротея не любила оставаться в долгу и тоже усмехнулась.

– Чего вы смеетесь? – спросил Эстрейхер.

– Смеюсь потому, что вы улыбаетесь. Но я не знаю, что вас так смешит?

– Я нахожу вашу выдумку необычайно остроумной.

– Мою выдумку?

– Ну да: сделать из двух человек одного, соединив того, кто рыл яму, с тем, кто забрался в замок и украл серьги.

– То есть?

– Ах, вам угодно знать все подробности. Извольте. Вы очень остроумно замечаете следы кражи, которую совершил господин Кантэн.

– Господин Кантэн на глазах и при участии господина Эстрейхера, – быстро подхватила Доротея.

Эстрейхера передернуло. Он решил играть в открытую и заговорил без обиняков:

– Допустим... Ни вы, ни я не принадлежим к тем людям, которые имеют глаза для того, чтобы ничего не видеть. Если сегодня ночью я видел субъекта, спускавшегося по стене замка, так вы видели...

– Человека, который копался в яме и получил камнем по черепу.

– Прекрасно. Но, повторяю, это очень остроумно отождествлять этих лиц. Очень остроумно, но и очень опасно.

– Опасно! Почему же?

– Да потому, что всякая атака отбивается контратакой.

– Я еще не атаковала. Я только хотела предупредить, что приготовилась ко всяким случайностям.

– Даже к тому, чтобы приписать мне кражу этих серег?

– Возможно.

– О, если так, я поспешу доказать, что серьги в ваших руках.

– Пожалуйста.

Эстрейхер направился к дверям, но на пороге остановился и сказал:

– Итак, война. Я только не понимаю, в чем дело. Вы меня совершенно не знаете.

– Достаточно знаю, чтобы понять, с кем имею дело.

– Я Максим Эстрейхер, дворянин.

– Не спорю. Но этого мало. Тайком от ваших родственников вы занимаетесь раскопками, ищете то, на что не имеете никакого права. И думаете, что вам удастся присвоить находку.

– Уж вас это не касается.

– Нет, касается.

– Почему? Разве это затрагивает ваши интересы?

– Скоро узнаете.

Едва сдерживаясь, чтобы не выругаться, Эстрейхер холодно ответил:

– Тем хуже для вас и вашего Кантэна. – И вышел из комнаты.

Странное дело, во время этой словесной дуэли Доротея оставалась совершенно спокойной. Но как только за Эстрейхером захлопнулась дверь, порыв задорного ребячливого веселья сорвал ее с места. Она показала ему нос, перевернулась на каблуке, подпрыгнула, потом весело схватила флакон нюхательной соли, забытый графией на столе, и подбежала к Кантэну. Кантэн сидел в кресле, совершенно ошеломленный и уничтоженный.

– Ну-ка, милый, понюхай.

Тот потянул носом, чихнул и только охнул:

– Попались.

– Вот глупости! Почему попались?

– Он нас выдаст.

– Никогда. Он постарается навести на нас подозрение, но прямо выдать не посмеет. Ну а если и осмелится и расскажет, что видел тебя утром, так я тоже расскажу про него очень многое.

– И зачем ты заговорила про серьги?

– Сами узнали бы. Я нарочно сказала сама, чтобы отвлечь подозрение.

– И вышло как раз наоборот.

– Ну, ладно. Тогда я заявлю, что серьги украл бородач, а не мы.

– Для этого нужны доказательства.

– Я их найду.

– Не понимаю, за что ты его вдруг возненавидела?

Доротея пожала плечами.

– Дело не в ненависти. Просто надо его прихлопнуть. Это очень опасный тип. Ты знаешь, Кантэн, что я редко ошибаюсь в людях. Эстрейхер – негодяй, способный на все. Он подкапывается под семью Шаньи, и я хочу во что бы то ни стало им помочь.

Кантэн в свою очередь пожал плечами:

– Удивляюсь тебе, Доротея. Рассчитываешь, взвешиваешь, соображаешь. Можно подумать, что ты действуешь по какому-то плану.

– Вот плана-то как раз и нет. Я бью пока что наудачу. Определенная цель у меня действительно есть: я вижу, что четыре человека связаны какой-то тайной. Папа перед смертью повторял слово «Роборэй». Вот я и хочу узнать, не участвовал ли он в этой тайне, или не имел ли право участвовать в ней. Ясно, что они ищут сокровище и пока держатся друг за друга. Прямым путем мне не добиться ничего. Но я все-таки добьюсь. Слышишь, Кантэн, добьюсь во что бы то ни стало.

Доротея топнула ногой. В этом резком жесте и в тоне ее голоса было столько энергии и неожиданной решимости, что Кантэн вытаращил глаза. А маленькое шаловливое создание упрямо и настойчиво повторяло:

– Непременно добьюсь. Честное слово. Я рассказала им только часть того, что мне удалось пронюхать. Есть такая вещь, которая заставит их пойти на уступки.

– Какая?

– Потом расскажу.

Доротея внезапно умолкла и стала смотреть в окно, за которым резвились мальчишки. Вдруг в коридоре раздались торопливые шаги. Из подъезда выскочил лакей, распахнул ворота – и в ворота въехали четыре ярмарочных фургона, в том числе и «Цирк Доротеи».

Около фургонов толпилась кучка народа.

– Жандармы... Там жандармы, – простонал Кантэн. – Они обыскивают «Тир».

– Эстрейхер с ними, – заметила девушка.

– Доротея, что ты натворила!

– Все равно, – спокойно ответила она. – Эти люди знают тайну, которую я должна узнать.

История с серьгами поможет мне в этом.

– Однако...

– Перестань хныкать, Кантэн. Сегодня решается моя судьба. Прибодрись. Довольно страхов. Давай потанцуем фокстрот.

Она обхватила его за талию и насильно закружила по комнате. Увидев танцующую пару, Кастор, Поллукс и Монфокон влезли в окно и тоже запрыгали. Так, танцуя и напевая модные песенки, выбрались они из гостиной в главный вестибюль. Вдруг Кантэну сделалось дурно. Он покачнулся и упал. Пришлось прекратить пляску. Доротея не на шутку рассердилась:

– Ну, это еще что за представление? – спросила она резко, стараясь поднять Кантэна.

– Я... я боюсь.

– Чего боишься, дурень? Первый раз вижу такого труса. Чего ты боишься?

– С...серьги.

– Дурак. Ты сам забросил их в кусты.

– Я не...

– Что-о?!

– Я... не бросил.

– Где же они?

– Не знаю. Я их искал, как ты сказала, в корзине. Но там их не оказалось. Я перерыл весь фургон. Картонная коробочка исчезла.

Лицо Доротеи стало серьезным. Действительно, опасность была на носу.

– Почему же ты мне ничего не сказал? Я бы вела себя иначе.

– Я боялся. Не хотел тебя огорчать.

– Ах, Кантэн, Кантэн! Какую глупость ты устроил!

Доротея умолкла и больше не упрекала товарища.

Только, подумав, спросила:

– Как ты думаешь, куда они делись?

– Верно, я ошибся впопыхах и положил их не в корзину, а в другое место. А куда – не помню. Я перерыл все корзины и ничего не нашел. Жандармы, конечно, отыщут.

– Дело принимает плохой оборот. Серьги в фургоне – прямая улика. А там – тюрьма, арест.

– Не выгораживай меня, Доротея, – умолял несчастный Кантэн. – Брось меня. Я идиот. Преступник. Скажи им, что я один во всем виноват.

Вдруг на пороге вестибюля вырос жандармский бригадир с одним из замковых лакеев.

– Молчи, – шепнула Доротея. – Не смей говорить ни слова.

Жандарм направился к Доротее.

– Мадемуазель Доротея?

– Да, это я. Что вам угодно?

– Пожалуйста за мной. Мы вынуждены вас...

– Нет, нет, – перебила жандарма графиня, спускавшаяся по лестнице с мужем и Раулем Дювернуа. – Я протестую. Не причиняйте этой барышне никаких неприятностей. Тут недоразумение.

Рауль Дювернуа поддержал мадам де Шаньи. Но граф остановил жену:

– Друг мой, это пустая формальность. Бригадир обязан ее исполнить. Кража совершена, власти должны произвести дознание и допросить присутствующих.

– Но не эту девушку, которая раскрыла кражу и предупредила нас о том, что против нас затевается.

– Почему же не допросить ее, как всех. Может быть, Эстрейхер прав, предполагая, что серьги пропали не из шкафа. Ты могла надеть их сегодня по рассеянности, и они могли выпасть из ушей. Кто-нибудь их поднял и...

Жандарму надоело слушать спор супругов Шаньи, но он не знал, что предпринять, и Доротея сама вывела его из затруднения.

– Вы правы, граф, – сказала она. – Моя роль должна казаться подозрительной. Вы не знаете, откуда я знаю буквы секретного замка. Не делайте для меня исключения и не освобождайте от обыска и допроса. – Потом, обернувшись к графине, добавила: – Пощадите ваши нервы, графиня, и не присутствуйте при обыске: это зрелище не из приятных. И не волнуйтесь за меня. Наше ремесло такое, что приходится быть ко всему готовой, а вам это будет тяжело. Зато я вас очень прошу, вы сами поймете почему, присутствовать на моем допросе.

– Хорошо. Даю вам слово.

– Бригадир, я к вашим услугам.

Доротея вышла вместе с жандармом и всеми своими компаньонами. Кантэн шел с таким видом, точно его вели на эшафот. Капитан заложил руки в карманы, крепко зажав в кулачке веревку от коляски с игрушками, и весело насвистывал песенку с видом опытного человека, который привык ко всяким переделкам и знает, что все они кончаются пустяками.

Подойдя к своему фургону, Доротея увидела Эстрейхера, беседующего с жандармами и лакеями замка.

– Это вы направили на нас следствие? – спросила она с веселой и приветливой улыбкой.

– Конечно, – ответил Эстрейхер в том же тоне, – и в наших собственных интересах.

– Благодарю вас. В результате я не сомневаюсь. – Потом обратилась к бригадиру: – Ключей не полагается. В «Цирке Доротеи» нет замков. Все открыто. В руках и карманах – нет ничего.

Бригадир, по-видимому, не любил обысков. Зато лакеи усердно принялись за дело, а Эстрейхер распоряжался.

– Извините меня, – сказал он Доротее, отводя ее в сторону. – Я нарочно стараюсь отвести от вас всякое подозрение.

– Я понимаю ваше рвение. Вы прежде всего заботитесь о себе.

– Как так?

– Очень просто. Вспомните нашу беседу. Виноват кто-нибудь один: или вы, или я.

Эстрейхер почувствовал в Доротее серьезного противника и испугался ее угроз, но не успел сообразить, как ему действовать. Он стоял рядом с ней, был любезен, даже галантен и вместе с тем тщательно руководил обыском, свирепея с каждой минутой. По его указанию, лакеи вытаскивали корзины и ящики, вываливали из них разный убогий скарб, среди которого пестрели яркими пятнами любимые платки и шарфы Доротеи.

Обыск продолжался более часа. Серег нигде не оказалось.

Исследовали пол и потолок фургона, распорол матрасы, упряжь, сумку с овсом, ящик с провизией. Все напрасно.

Потом обыскали Кантэна и мальчиков. Горничная графини раздела Доротею, ощупывая на ней каждый шов. Пропажи и тут не нашли.

– А это? – спросил Эстрейхер, показывая на большую корзину, валявшуюся под фургоном.

В ней лежали разные обломки, тряпки и грязная кухонная посуда. Кантэн зашатался. Доротея подскочила к нему и обняла его.

– Бежим, – простонал он.

– Дурак, серег там нет.

– Я мог перепутать.

– Дурак, говорю тебе. В таких вещах не ошибаются.

– Так где же коробочка?

Доротея дернула плечами.

– Ослеп ты, что ли? Посмотри.

- Разве ты ее видишь?
- Да.
- В фургоне?
- Нет.
- Так... где же?
- На земле, под ногами Эстрейхера.

И она указала на повозочку капитана. Ребенок пускал волчок и совсем забыл про остальные игрушки. Повозочка опрокинулась и все коробочки и крошечные чемоданчики рассыпались по земле. Одним из этих чемоданчиков и была коробочка с печатью, куда Кантэн засунул серьги. Сегодня после обеда капитан стал рыться в разном хламе и решил забрать ее себе как дорогую вещь.

Доротея сделала непоправимую ошибку, показав Кантэну коробочку. Она не знала, до чего хитер и наблюдателен Эстрейхер. Он понял, что Доротея себя не выдаст, зато упорно следил за Кантэном. Он заметил его страх и смущение и понимал, что Кантэн непременно выдаст себя.

Так и случилось.

Увидев коробочку с сургучной печатью, Кантэн облегченно вздохнул. Он решил, что никому не взбредет в голову распечатать детскую игрушку, лежавшую как хлам на песке. Эстрейхер, ничего не подозревая, несколько раз толкал ее ногой. Капитан обиделся, надулся и сделал ему замечание:

- А что бы ты мне сказал, если бы я стал портить твой автомобиль?

Кантэн не мог выдержать: он то и дело оборачивался и радостно смотрел на коробочку. Эстрейхер перехватил эти взгляды и вдруг понял все. Серьги здесь, во власти случая, под защитой маленького капитана, среди его игрушек. Он посмотрел на них внимательно. Коробочка с печатью показалась ему самой подозрительной. Он нагнулся и быстро раскрыл ее.

Среди морских ракушек и белых гольшей ярко сверкала пара сапфиров.

Эстрейхер посмотрел на Доротею в упор. Она была бледна как полотно.

Глава 4 Допрос

– Бежим, – повторял Кантэн побелевшими губами. А сам упал на первый попавшийся ящик, потому что от страха у него отнялись ноги.

– Блестящая идея, – издевалась Доротея. – Запряжем Кривую Ворону, влезем все пятеро в фургон и марш к бельгийской границе.

Она понимала, что все погубло, и все-таки продолжала внимательно следить за врагом. Одно его слово – и тюремная дверь надолго закроется за ней и все ее угрозы лопнут как мыльный пузырь, потому что никто не поверит воровке.

Не выпуская коробочки из рук, Эстрейхер с улыбкой смотрел на Доротею. Он думал, что она растеряется, начнет просить пощады. Но он слишком плохо знал ее. Ни один мускул не дрогнул в ее лице, взгляд оставался твердым и вызывающим. Казалось, она говорила без слов: «Попробуй выдать меня. Одно слово – и ты погибнешь».

Эстрейхер пожал плечами и, обернувшись к бригадиру, сказал:

– Ну-с, бригадир, довольно! Поздравим нашу милую директрису с благополучным исходом. Фу, черт возьми, какая неприятная процедура!

– Не следовало ее затевать, – ответила графиня, подходя к фургону вместе с мужем и Дювернуа.

– Да, теперь это ясно. Но у нас с вашим мужем были сомнения, и нам хотелось их рассеять.

– Значит, серег не нашли? – спросил граф.

– Нет. Никаких признаков... Вот только странная вещица, с которой играл капитан Монфокон. Мадемуазель Доротея разрешит ее взять, не правда ли?

– Да, – твердо ответила Доротея.

Эстрейхер протянул графине коробочку, которую он успел тщательно перевязать.

– Будьте добры, графиня, сохранить у себя эту вещицу до завтра.

– Почему я, а не вы?

– Потому что так лучше. У вас она будет сохраннее. А завтра мы ее откроем.

– Хорошо, если вы так настаиваете.

– Да, пожалуйста.

– И если мадемуазель Доротея ничего не имеет против.

– Наоборот, графиня, – ответила девушка, рассчитывая выиграть время. – Я присоединяюсь к просьбе Эстрейхера. В коробочке нет ничего интересного, кроме ракушек и морских камешков. Но так как месье Эстрейхер очень любопытен и недоверчив, отчего не доставить ему маленького удовольствия.

Оставалось выполнить еще одну формальность, которой бригадир придавал большое значение: надо было проверить документы комедиантов. На обыск он смотрел сквозь пальцы, но в этом деле был строг не на шутку.

Он потребовал предъявить паспорта, разрешения на устройство представлений и квитанции об уплате налогов. Супруги де Шаньи тоже были заинтригованы. Им хотелось узнать, кто эта девушка, разгадавшая их фамильную тайну, откуда она и как ее зовут. Им казалось странным, что интеллигентная, воспитанная и очень неглупая барышня превратилась в бродячую фокусницу и кочует с места на место с какими-то мальчуганами.

Рядом с фургоном была оранжерея. Туда и направился бригадир для проверки бумаг.

Доротея достала из чемодана конверт, вынула испещренную штампами и надписями бумагу, со всех сторон обклеенную гербовыми марками, и протянула бригадиру.

– И это все? – спросил он, прочитав бумаги.

– Разве этого мало? Сегодня утром в мэрии секретарь нашел все в порядке.

– Они всегда находят все в порядке, – проворчал бригадир. – Что это за имена! Так называют только в шутку: Кастор, Поллукс. Это клички, а не имена! Или это: «Барон де Сен-Кантэн, акробат».

Доротея улыбнулась:

– Ничего нет странного. Он сын часовых дел мастера из города Сен-Кантэн, а фамилия его Барон.

– Тогда нужно взять разрешение у отца на право ношения фамилии.

– К сожалению, это невысказано.

– Почему?

– Отец мальчика погиб во время германской оккупации.

– А мать?

– Умерла. Он круглый сирота. Англичане усыновили мальчика, и в момент заключения мира он был поваренком в госпитале Бар Ле Дюк, где я служила сиделкой. Я его пожалела и взяла к себе.

Бригадир снова что-то буркнул, но к Кантэну больше не придирался и продолжал допрос.

– А Кастор и Поллукс?

– Про них я ничего не знаю. Знаю, что в 1918 году во время германского наступления на Шалонь они попали в линию боев. Французские солдаты подобрали их на дороге, приютили и дали эти, как вы выражаетесь, клички. Они пережили такое ужасное потрясение, что совершенно забыли свое прошлое. Братья они или нет, где их семьи, как их зовут – никто не знает. Я их тоже пожалела и взяла к себе.

Бригадир был окончательно сбит с толку. Он еще раз посмотрел в документ и сказал насмешливым и недоверчивым тоном:

– Остается господин Монфокон, капитан американской армии и кавалер военного ордена.

– Здесь, – важно отозвался карапуз и встал навтыжку, руки по швам.

Доротея подхватила капитана на руки и крепко расцеловала его.

– О нем известно столько же. Четырехлетним крошкой жил он со взводом американцев в передовых окопах под городом Монфоконом. Американцы устроили ему люльку из мехового мешка. Однажды взвод пошел в атаку. Один из солдат посадил его себе на спину. Атака была отбита, но солдата недосчитались. Вечером снова перешли в наступление и, когда захватили вершину Монфокон, на поле нашли труп солдата, а ребенок спал рядом с убитым в своем меховом мешке. Полковой командир тут же наградил мальчика орденом за храбрость и назвал Монфоконом, капитаном американской армии. Потом хотели увезти его в Америку, но Монфокон отказался: он ни за что не хотел расставаться со мной – и я взяла его к себе.

Мадам де Шаньи была растрогана рассказом Доротеи, нежно гладившей Монфокона по голове.

– Вы поступили очень хорошо, – сказала она. – Но откуда достали вы средства прокормить ваших малышей?

– О, мы были богаты.

– Богаты?

– Да, благодаря капитану. Полковой командир оставил ему перед отъездом две тысячи франков. На них мы купили фургон и старую лошадь. Так был основан цирк Доротеи.

– Кто же научил вас вашему тяжелому ремеслу?

– Старый американский солдат, бывший клоун. Он нас и обучил всем приемам. А потом – у меня наследственность. Ходить по канату я умею с детства. Одним словом, мы пустились в путь и стали кочевать по всей Франции. Жизнь нервная, тяжелая, но зато сам себе голова и никогда не скучаешь. В общем, цирк Доротеи процветает.

– А в порядке ли у вас документы относительно самого цирка? – спросил бригадир, чувствуя в душе симпатию к сердобольной директрисе. – Имеете ли вы право давать представления? Есть ли у вас профессиональная карточка?

– Есть.

– Кем выдана?

– Префектурой в Шалони, главного города того департамента, где я родилась.

– Покажите!

Доротея смутилась, запнулась на мгновение, взглянув на графа и графиню. Она сама просила их присутствовать при допросе, но сейчас раскаивалась в этом.

– Может быть, нам лучше уйти? – деликатно спросила графиня.

– Нет, нет, напротив. Я хочу, чтобы вы знали все.

– И мы тоже? – спросил Дювернуа.

– Да, и вы, – ответила с улыбкой Доротея. – Я хочу, чтобы вы знали одно обстоятельство. О, ничего особенного, но все же...

Она вынула из конверта старую, истрепанную карточку и протянула ее бригадиру. Бригадир внимательно прочел документ и сказал тоном человека, которому зубы не заговоришь:

– Но это тоже не настоящая фамилия. Опять нечто вроде боевых кличек мальчишек.

– Нет, это моя полная настоящая фамилия.

– Ладно, ладно, вы мне очки не втирайте.

– Пожалуйста. Если вы не верите, вот моя метрика с печатью общины Аргонь.

Граф де Шаньи заинтересовался:

– Как, вы жительница Аргони?

– То есть уроженка. Теперь Аргонь уже не существует. После войны там все разрушено и не осталось камня на камне.

– Да, я знаю. Там был у нас родственник.

– Быть может, Жан д'Аргонь? – спросила Доротея.

– Да, – слегка удивился граф. – Он умер от ран в Шартрском госпитале. Лейтенант князь Жан д'Аргонь. Разве вы его знали?

– Знала.

– Да? И встречались с ним?

– Еще бы!

– Часто?

– Как могут встречаться близкие люди.

– Вы?! Вы были с ним близки?

Доротея чуть заметно улыбнулась:

– Очень. Это мой покойный отец.

– Ваш отец. Жан д'Аргонь! Да что вы говорите! Не может быть! Позвольте... дочь Жана, сколько помнится, звали Иолантой, а не Доротеей.

– Иоланта-Изабелла-Доротея.

Граф вырвал из рук бригадира бумагу и громко прочел:

– Иоланта-Изабелла-Доротея, княжна д'Аргонь...

– Графиня Мареско, баронесса д'Эстрэ-Богреваль и так далее, – договорила со смехом Доротея.

Граф схватил ее метрику и, все более смущаясь, прочел ее вслух, отчеканивая каждое слово:

– «Иоланта-Изабелла-Доротея, княжна д'Аргонь родилась в Аргони в тысяча девятисотом году, четырнадцатого октября. Законная дочь Жана Мареско, князя д'Аргонь и его законной жены, Жесси Варен».

Сомнений больше не было. Документы Доротеи были бесспорны. И манеры и поведение Доротеи – все становилось понятным.

– Боже мой, неужто вы – та маленькая Иоланта, о которой так много рассказывал нам Жан д'Аргонь? – повторяла взволнованная графиня.

– Папа меня очень любил, – вздохнула Доротея. – Мы не могли все время жить вместе, но от этого моя любовь была только горячее.

– Да, трудно было его не любить, – ответила мадам де Шаньи. – Мы виделись с ним всего два раза в Париже, в начале войны. Но у меня осталось о нем прекрасное воспоминание. Веселый, жизнерадостный, как вы. У вас с ним много общего, Доротея: глаза, улыбка, смех.

Доротея достала две фотографии:

– Вот его портрет. Узнаете?

– Конечно. Как не узнать. А кто эта дама?

– Это покойная мать. Она умерла давно-давно. Папа очень ее любил.

– О да, я знаю. Кажется, она была артисткой? Вы мне расскажете все, не правда ли: и вашу жизнь, и все горести. А теперь скажите, как вы попали в Роборэй.

Доротея рассказала, как увидела на столбе слово «Роборэй», как повторял это слово ее умирающий отец.

Но ее беседу с графиней прервал граф Октав.

Глава 5

Смерть князя д'Аргонь

Октав де Шаньи был довольно заурядным человеком. Но он был честолюбив и умел пользоваться преимуществами своего титула и фамилии. Всякое событие своей жизни он старался обставить как можно торжественнее, чтобы выдвинуть себя на первый план. Посоветовавшись для приличия со своими кузенами и даже не выслушав их ответов, он с надменностью вельможи отпустил бригадира, отослал Кантэна и мальчиков в парк, тщательно запер за ними дверь, попросил дам сесть и зашагал взад и вперед, о чем-то напряженно думая.

Доротей была довольна. Она победила, добилась своего и сейчас ее посвятят в тайну, которую она так мечтала узнать. Мадам де Шаньи ласково жала ей руку, Рауль смотрел на нее как старый преданный друг. Все было прекрасно. Оставался, правда, Эстрейхер, не спускавший с Доротей злого, враждебного взгляда. Но Доротей старалась не думать об опасности, которая могла ежесекундно обрушиться на ее голову.

– Мадемуазель, – торжественно начал граф де Шаньи. – Нам, то есть мне и моим кузенам, необходимо посвятить вас в одно дело, о котором знал ваш отец и в котором он должен был участвовать. Скажу больше: мы знаем, что он сам хотел вовлечь вас в это дело.

Граф остановился, довольный началом своей речи. В подобных случаях он всегда говорил высокопарно, тщательно округляя фразы и выбирая слова.

– Мой отец, граф Франсуа де Шаньи, – продолжал он, – мой дед, Доминик де Шаньи, и мой прадед, Гаспар де Шаньи, – все были уверены в том, что у них в доме, так сказать, под рукой, скрыты огромные сокровища. И каждый из них думал, что ему суждено отыскать это сокровище. Эта надежда была тем обольстительнее, что со времени Великой революции дела графов де Шаньи стали запутываться. Ни отец, ни дед, ни прадед не могли точно ответить на вопрос, на чем, собственно, покоятся их радужные надежды. Никаких документов и указаний не было. Все основывалось на каких-то смутных семейных преданиях, а в этих преданиях ничего не говорилось ни о месте, где хранится сокровище, ни какого оно характера. Зато все эти предания неразрывно связаны с именем замка Роборэй. Предания эти, по-видимому, не особенно древни, потому что замок раньше назывался просто Шаньи и только в царствование Людовика Шестнадцатого был переименован в Шаньи-Роборэй. Связано ли это переименование с преданиями о кладе и вообще чем оно вызвано, мы не знаем. Так или иначе, к началу германской войны я решил его отремонтировать и даже думал здесь поселиться, хотя мой брак с мадам де Шаньи позволил не так уж рьяно искать зарытые сокровища.

Намекнув таким образом на способ, которым он позолотил свой ржавый герб, граф улыбнулся и продолжал свое повествование:

– Не стану говорить о том, что во время войны Октав де Шаньи добровольно исполнял долг всякого честного француза. В пятнадцатом году я был произведен в лейтенанты и отпуск проводил в Париже. Благодаря целому ряду случайностей и совпадений, я познакомился с тремя лицами, о существовании которых не имел ни малейшего представления. Это был отец Рауля, полковник Жорж Дювернуа, потом Максим Эстрейхер и, наконец, Жан д'Аргонь. Все мы были либо в отпуску, либо выздоравливали после ранений. В беседах выяснилось, что мы – дальние родственники, и что в семьях каждого из нас сохранилось предание о зарытом сокровище. Отцы и деды д'Аргоня, Эстрейхера и Дювернуа твердо надеялись на находку какого-то сказочного клада и, ожидая этой счастливой минуты, легкомысленно залежали в долги. Но никто не имел никаких доказательств или указаний.

Граф снова остановился, подходя к главному.

– Впрочем, было одно-единственное указание. Жан д'Аргонь рассказал, что у его отца была старинная золотая медаль, которой он придавал какое-то особенное значение. К несча-

стью, отец Жана погиб на охоте и не успел объяснить ему значение медали, но Жан твердо помнил, что на медали была какая-то надпись, где фигурировало слово «Роборэй», то есть имя того замка, с которым все мы так или иначе связывали свои надежды. Куда делась эта медаль, Жан д'Аргонь не знал, но собирался порыться в ящиках и чемоданах, вывезенных из его усадьбы перед немецкой оккупацией. Хранились эти вещи в Бар-Ле-Дюке, в городских складах. Все мы были людьми порядочными, и так как каждый из нас мог погибнуть на фронте, мы торжественно поклялись друг другу разыскивать этот клад сообща и разделить его поровну. Между тем отпуск д'Аргоня истек, и он первым уехал на фронт.

– Это было в ноябре пятнадцатого года? – спросила Доротея. – Мы провели тогда с папой лучшую неделю в моей жизни. Больше мы с ним не виделись.

– Совершенно верно, в конце пятнадцатого года, – подтвердил граф де Шаньи. – Через месяц, в начале января, Жан д'Аргонь был ранен на северном фронте. Его эвакуировали в Шартр, а через несколько дней мы получили от него подробное письмо. Это письмо осталось недописанным...

При этих словах графиня сделала движение, как бы желая его остановить, но граф сухо и решительно возразил:

– Нет-нет. Мадемуазель д'Аргонь должна прочесть это письмо.

– Вы, может быть, и правы, – возразила мадам де Шаньи. – Но все-таки...

– Что вас так волнует? – удивленно спросила Доротея.

– Я боюсь причинить вам ненужное огорчение. В конце письма сказано...

– Мы обязаны сообщить это мадемуазель д'Аргонь, – решительно перебил граф.

С этими словами он вынул из бумажника письмо со штемпелем Красного Креста.

Графиня крепче сжала руку Доротеи, а взгляд Рауля Дювернуа стал еще сердечнее. Доротея напряженно слушала, с волнением ожидая последних строк, суливших ей новое горе.

Граф вынул письмо из конверта и стал читать:

– «Дорогой Октав!

Прежде всего могу вас успокоить относительно своей раны. Доктора не нашли ничего серьезного, и осложнений не предвидится. Скоро я буду на ногах, так что и говорить о ней не стоит. Расскажу вам лучше о поездке в Бар-Ле-Дюк.

После кропотливых поисков я наконец нашел эту драгоценную медаль. Покажу ее вам по приезде в Париж и, чтобы вас заинтриговать, сохраню пока в тайне надпись на лицевой стороне. Зато на другой стороне медали выгравирован девиз «In robore Fortuna» – «Богатство в твердости духа». Несмотря на то, что слово «robore» пишется иначе, чем название замка «Roboreu», надпись, несомненно, намекает на замок Роборэй, где скрыто сокровище по нашим семейным преданиям.

Итак, дорогой друг, мы сделали большой шаг к разрешению загадки. Нам необычайно повезло. Я думаю, что в дальнейшем нам во многом поможет одна молодая особа, с которой я недавно провел несколько дней. Я говорю о своей маленькой дочери Иоланте.

Вы знаете, как я страдаю при мысли, что не могу быть нежным и внимательным отцом, как бы хотелось. Я слишком любил покойную жену и после ее смерти находил единственное утешение в путешествиях. Поэтому я редко бывал на той скромной ферме, где жила моя девочка.

Иоланта росла под присмотром старых слуг и, можно сказать, сама себя воспитала. Сельский священник давал ей уроки, но еще более уроков взяла она у природы, наблюдая жизнь растений и животных. Выросла девочка веселой и вдумчивой. Каждый раз, бывая в Аргони, я удивлялся ее необычайному здравому смыслу и начитанности. Сейчас Иоланта служит в Бар-Ле-Дюке сиделкой полевого госпиталя. Поступила она по собственному желанию. Ей всего пятнадцать лет, а все уважают ее и считаются с ней, как со взрослой. Она обо всем рассуждает

с серьезностью взрослого человека, решает все дела самостоятельно и судит о вещах и людях по их внутренней сути, а не по внешнему виду.

– У тебя, – говорил я ей не раз, – глаза кошки, которая видит впотьмах.

Когда кончится война, я привезу ее к вам и уверен, что с ее помощью мы добьемся блестящих результатов».

Граф умолк. Доротея печально улыбалась, взволнованная и растроганная теплыми словами письма. Потом спросила:

– И это все.

– В этом письме нет больше ни слова, – ответил граф де Шаньи. – На этом оно обрывается. Написано оно пятнадцатого января шестнадцатого года, но отослано мне лишь через две недели, тридцатого. Из-за разных войсковых перегруппировок письмо попало ко мне с большим опозданием. Получил я его в середине февраля и впоследствии узнал, что вечером пятнадцатого января у Жана д'Аргонь внезапно поднялась температура. Доктора констатировали заражение крови. От заражения он и умер, или, по крайней мере...

– Что? Что по крайней мере? – взволнованно перебила Доротея.

– По крайней мере, такова официальная версия его смерти.

– Что вы? Что вы? – повторяла она с ужасом. – Значит, папа умер не от ран.

– Никто не знает истинной причины, – ответил де Шаньи.

– Но тогда... От чего же он погиб? Что вы думаете? Что предполагаете?

Граф молчал.

С мучительным волнением смотрела на него Доротея и, точно боясь выговорить ужасное слово, прошептала:

– Неужто... Неужто он убит?

– Многие заставляют об этом думать.

– Но чем, как?

– Отравили.

Удар был нанесен. Доротея плакала. Граф наклонился к ней и сказал, протягивая ей измятый листок, вложенный в письмо.

– Возьмите, прочтите. Между двумя приступами бреда ваш несчастный отец с трудом нацарапал эти строки. Администрация госпиталя нашла их после его смерти в конверте с моим адресом и, не читая, отослала мне. Посмотрите, как изменился почерк: он с трудом держал карандаш. Видно, что только сильнейшее напряжение воли заставляло его писать.

Доротея вытерла глаза. Ей слишком хотелось узнать правду и самой разобраться в этом хаосе. Она взяла листок и стала читать вполголоса:

– «Какой ужасный сон... А может быть, совсем не сон, а правда. В кошмаре или наяву случилось это... Раненые спят на своих койках. Ночь... Никто не просыпается. Я слышу легкий шум, чьи-то шаги под окном. Идут двое и тихо разговаривают. В палате духота, окно полуоткрыто, поэтому мне слышен разговор. Вот кто-то толкнул снаружи раму. Окно высокое, для этого надо влезть на плечи другому. Что ему нужно? Он пробует просунуть руку, но отверстие слишком узко. Около окна стоит мой ночной столик, он мешает распахнуть окно. Он засучил рукав. Рука пролезла. Он шарит на моем столе, ищет ящик. Понимаю: в ящике – медаль. Я хочу закричать, но горло сдавлено. И еще... Какой ужас: на столике стакан с моим лекарством. Рука что-то влила в стакан. Несколько капель из пузырька. Яд! Я не буду его принимать. Ни за что! И я пишу об этом, чтобы помнить: ни за что не принимать лекарства. Рука выдвинула ящик. И, когда она вытаскивала медаль, я видел на ней выше локтя три слова...»

Доротея низко наклонилась к строкам. Почерк стал совсем неразборчивым, и с большим трудом она прочла по складам:

«Три слова... выжжено... татуировкой, как у моряков. Три слова, боже мой... те же слова, что и на медали: "In robore Fortuna..."»

Карандаш черкнул еще несколько раз по бумаге, но букв нельзя было разобрать.

Доротей долго сидела, низко опустив голову и обливаясь слезами. Все молчали. Тяжело перенести смерть отца, но еще тяжелее узнать, что он погиб от чьей-то руки.

Наконец Октав де Шаньи прервал молчание:

– Лихорадка усилилась, и в бреду ваш отец мог машинально выпить лекарство. Это самое простое и правдоподобное предположение. Я не сомневаюсь, что ему влили в стакан яд. Правда, должен вас предупредить, что у нас нет никаких официальных данных по этому поводу. Я уведомил Эстрейхера и Дювернуа, и мы вместе отправились в Шартр. К сожалению, врача и фельдшеров той палаты успели сменить, и нам пришлось ограничиться получением в канцелярии госпиталя официальной справки о смерти лейтенанта Жана д'Аргонь от заражения крови. Мы долго советовались что делать и решили ничего не предпринимать. Единственным доказательством убийства было письмо. Но судьи могли сказать, что письмо написано в бреду, поэтому мы решили не разыскивать преступников и думаем, что поступили правильно.

Доротей молчала. Граф решил, что она осуждает их решение, и стал оправдываться:

– Уверяю вас, что мы ничего бы не добились. Война создавала бесчисленные препятствия. Кроме того, если бы мы занялись расследованием, мы, несомненно, должны были бы считаться с тем фактом, что, кроме нас троих, – потому что Жана д'Аргонь уже не было в живых – есть еще кто-то, бьющийся, как и мы, над разрешением той же загадки и овладевший таким важным ключом, как медаль. Несомненно, у нас есть враг, и враг, способный на самые ужасные преступления. Одним словом, все эти соображения плюс политические события помешали нам заняться розысками преступников. Мы дважды писали в Бар-Ле-Дюк, но не получили ответа. Время шло. Жорж Дювернуа был убит под Верденом. Эстрейхера ранили в ногу под Артуа. Я был послан в Салоники, откуда вернулся только после заключения мира. И, как только был демобилизован, тотчас приступил к ремонту Роборэй. Вчера мы справляли новоселье, а сегодня имеем удовольствие видеть вас у себя.

Теперь вы понимаете, – продолжал он, – как вы нас поразили, сообщив нам, во-первых, о чьих-то недавних раскопках, а во-вторых, тем, что эти раскопки производятся в тех местах, где имеется надпись или хотя бы слово «Fortuna». Припомните, что это слово выгравировано на медали вашего отца и на руке убийцы. Мы так доверились вашей проницательности, что графиня и Рауль Дювернуа решили посвятить вас в нашу тайну. Я рад, что чутье не обмануло графиню, раз оказалось, что вы Иоланта д'Аргонь.

Де Шаньи снова остановился. Доротей молчала. И он продолжал:

– Само собой разумеется, мы предлагаем вам принять участие в наших поисках. Вы замените вашего отца, так же, как Рауль Дювернуа занял место покойного Жоржа Дювернуа. Наш союз четверых продолжается.

Граф умолк, довольный своей речью. Но упорное молчание Доротей смущало его. Она сидела, неподвижно устремив взгляд в одну точку, и он не мог понять, почему она молчит. Неужели она осуждает их за то, что они не отыскали дочь и наследницу их компаньона. Или ее все еще мучит кража серег и она боится, что ее подозревают в воровстве.

– Что с вами, дорогая Иоланта? – спросила ласково мадам де Шаньи. – Неужто вас так расстроило это письмо?

– Да, – ответила с глубоким вздохом Доротей. – Это ужасно.

– Разве вы уверены, что его убили?

– Конечно. Иначе в его вещах обязательно нашлась бы медаль.

– А как по-вашему, следовало заявить властям или нет?

– Не знаю... Право, не знаю, – ответила задумчиво Доротея.

– Подумайте. Еще не поздно, давность еще не прошла. Мы постараемся вам помочь.

– О нет, благодарю вас. Я буду действовать одна. Я найду убийцу, и он будет наказан. Я обещаю это отцу и сдержу свою клятву.

Сурово и не по-женски твердо прозвучали эти слова.

– Мы вам поможем, дорогая, – повторила мадам де Шаньи. – Я надеюсь, что вы от нас не уедете.

Доротея покачала головой.

– Вы очень добры, графиня.

– Это не доброта, а мое искреннее желание. Я полюбила вас и хочу быть вашим другом.

– Благодарю от всей души, но не могу остаться.

– Почему? – с легкой досадой в голосе вмешался граф. – Мы просим вас, как дочь нашего родственника и друга, погостите у нас и отдохните в условиях, приличных для барышни и княжны. Неужели вы думаете жить этой бездомной нищенской жизнью?

– Она совсем не нищенская и не жалкая, – встрепенулась Доротея. – Мы с мальчиками к ней привыкли. Она очень полезна для здоровья.

Однако мадам де Шаньи не сдавалась:

– Нет, это недопустимо. У вас, верно, есть для этого особые причины?

– О, нет никаких.

– Тогда вопрос решен. Вы остаетесь, если не навсегда, то хоть на несколько недель. Мы дадим вам комнату, стол.

– Простите меня, графиня... Пожалуйста... Я страшно устала, измучилась. Разрешите мне уйти и побыть немного одной...

Доротея действительно казалась более чем измученной. Личико ее осунулось, побледнело, и трудно было поверить, что несколько часов назад она так звонко смеялась, танцевала и веселилась.

Графиня наконец уступила.

– Пожалуйста. Утро вечера мудренее. Я думаю, что завтра вы согласитесь. Только пришлите мальчиков обедать. Но если вы и завтра будете настаивать на своем, я, так и быть, уступлю. Я не хочу с вами ссориться.

Доротея встала. Супруги де Шаньи проводили ее до порога оранжереи. В дверях она внезапно остановилась. Несмотря на душевную боль, мысли ее витали вокруг таинственных раскопок, и ей захотелось узнать кое-какие подробности.

– Я уверена, – сказала она, прощаясь, – что семейные предания о кладе имеют серьезную почву. Клад, несомненно, существует, и собственником его станет тот, у кого будет медаль, украденная у отца. Мне очень хотелось бы знать, не слыхал ли кто-нибудь из вас легенду о медали. И потом, существует ли одна медаль или несколько?

Все молчали. Ответил Рауль Дювернуа:

– Я живу в Вандее, в имении деда. Недели две назад я вошел в его комнату и увидел, что он рассматривает какую-то золотую вещь. Заметив меня, он быстро спрятал ее в ларец и, видимо, не хотел, чтобы я ее видел.

– И не сказал ни слова?

– Тогда нет. Но накануне моего отъезда позвал к себе и сказал: «Возвращайся скорее. Я собираюсь открыть тебе очень важную тайну».

– Как вы думаете, он намекал на то, что нас интересует?

– Да. Я говорил об этом графу и Эстрейхеру, и они обещали быть у меня в конце июня. К этому сроку я надеюсь все разузнать.

Доротея задумалась.

– И это все? – спросила она.

– Все. Мои слова подтверждают ваши предположения. Талисман не один, а несколько.

– Да, – согласилась Доротея. – И папа погиб от того, что у него был такой талисман.

– Но, – заметил Рауль, – достаточно было украсть медаль. Зачем же им понадобилось... совершить такое ужасное преступление?

– Потому что на медали указано, как отыскать этот клад. Убивая отца, убийца уничтожал одного из участников дележа. Я боюсь, что это не первое и не последнее преступление в таком роде.

– Не последнее! Значит, и моему деду грозит опасность?

– Боюсь, что да.

Графу стало не по себе, но, скрывая тревогу, он улыбнулся и спросил:

– Выходит, что и нам, хозяевам Роборэя, грозит опасность?

– Конечно.

– Значит, надо принять меры предосторожности?

– Не мешает.

Граф побледнел.

– Что же нам делать?

– Поговорим об этом завтра, – сказала устало Доротея. – Я скажу вам, чего вам опасаться и как защитить себя.

Эстрейхер до сих пор молчал, внимательно следя за разговором, но тут вмешался в беседу:

– Давайте устроим завтра совещание. И помните, что мы должны решить еще одну задачу – относительно картонной коробочки.

– Я ничего не забываю, – ответила с вызовом Доротея. – Завтра в это время все задачи будут решены. В том числе и кража серег.

Солнце клонилось к закату. Доротея вернулась на площадь к своему фургону. Остальные фургоны успели разъехаться. Мальчики прилежно стряпали, но Доротея велела им бросить все и идти в замок обедать. Оставшись одна, она поела супу, фруктов и долго сидела, отдыхая.

Стемнело. Мальчики не возвращались. Доротея прошла к обрыву и остановилась, облокотившись о каменные перила. После всех пережитых волнений ей приятно было молчать, быть одной и дышать свежим вечерним воздухом.

– Доротея.

Кто-то тихо подкрался к ней и шепотом произнес ее имя. Доротея вздрогнула. Не видя, она поняла, что это Эстрейхер.

Если бы перила были пониже, а овраг не так глубокий, она бросилась бы вниз по откосу. Но, замирая от страха, она взяла себя в руки и сухо спросила:

– Что вам угодно? Вы, кажется, знаете, что я хотела остаться одна. Ваша настойчивость меня удивляет.

Эстрейхер молчал. Она повторила вопрос.

– Сказать вам несколько слов.

– Успеется. Поговорим завтра.

– Нет, я хочу поговорить с вами с глазу на глаз. Не бойтесь, я вас не обижу и не трону. Несмотря на вашу открытую враждебность, я питаю к вам искреннее уважение и расположение. Я обращаюсь к вам не как к неопытной девушке, а как к женщине, поразившей нас умом и наблюдательностью. Ради бога, не бойтесь и выслушайте!

– Не желаю. Ваши слова могут быть только оскорбительными.

Эстрейхер, видимо, не привык уговаривать:

– Нет, вы выслушаете меня, – сказал он резко. – Я приказываю вам выслушать и отвечать. Я скажу вам прямо, чего хочу. Перестаньте корчить угнетенную невинность. Судьба запутала вас в дело, которое я считаю своим. Я здесь центральная фигура, остальные – статисты.

В решительный момент я с ними не буду церемониться. Без меня они все равно ничего не добьются: Шаньи – дурак и хвостун, Дювернуа – деревенщина. Они – балласт, камень на шее, который мне мешает. С какой стати работать на них? Не лучше ли нам объединиться и работать на самих себя? Моя энергия и решимость в соединении с вашим умом и наблюдательностью сделают чудеса. А потом... Впрочем, не буду пока говорить о будущем. Имейте только в виду, что я знаю, как разрешается загадка. Вам придется потратить годы на то, что мне уже известно. Я – хозяин. В моих руках все данные задачи, кроме одного или двух иксов, но и их я скоро добуду. Помогите мне. Давайте искать вместе. Мы скоро добьемся богатства. Сказочного богатства. В наших руках будет власть золота. Согласны? Да? Ну, отвечайте!

Он подошел к Доротее вплотную и слегка коснулся ее шали. Доротея слушала терпеливо, стараясь разгадать его намерения, но это прикосновение заставило ее вздрогнуть.

– Прочь! Оставьте меня! Я вам запрещаю до меня дотрагиваться! Чтобы я вступила с вами в сделку! С вами... Вы мне противны. Слышите – противны.

Эстрейхер вышел из себя:

– Как, вы отказываетесь?! Вы смеете отказываться, несмотря на то, что я... Да... да... я раскрою все. Разглашу такие вещи, от которых вам не поздоровится, потому что, если на то пошло, серьги украл не один Кантэн. Вы тоже были там в овраге. Вы – его соучастница! У меня есть доказательства! И улики. Коробочка с серьгами у графини. И вы еще смеете разговаривать со мной в таком тоне! Ах вы... Воровка!

Он хотел схватить ее, смять. Доротея быстро нагнулась и скользнула вдоль перил. Эстрейхер размахнулся. Но вдруг ослепительный луч света ударил ему в лицо. Это подкрался Монфокон и зажег карманный фонарик.

Эстрейхер испуганно отшатнулся и прошипел:

– Ах ты тварь! Я тебя укрошу! И тебя тоже, шенок. Если завтра ты не перестанешь ломаться, коробочка будет распечатана в присутствии жандармов. Выбирай, что лучше, бродяга.

В три часа ночи тихо открылась форточка над козлами фургона, высунулась чья-то рука и затормошила сладко спавшего Кантэна.

– Вставай, одевайся. И потише.

Кантэн заспорил:

– Ей-богу, Доротея, ты затеваешь глупость.

– Молчи и делай, что тебе говорят.

Кантэн стал нехотя одеваться. Доротея была уже готова. В руках у нее была смотанная веревка, конец которой она обвязала вокруг пояса.

Они прошли в конец двора, выходящий к оврагу, привязали к перилам веревку и стали спускаться. Спустившись, обогнули замок и очутились у того места, где Кантэн залез в окно. Окно по-прежнему было открыто. Они влезли в него и вошли в коридор. Доротея зажгла карманный фонарик.

– Возьми вот эту лесенку в углу.

– Доротея, это безумие. Нельзя лезть на рожон.

– Молчать и слушаться.

– Доротея, оставь...

Вместо ответа она больно толкнула его в живот.

– Довольно. Я отвечаю за все. Где комната Эстрейхера?

– Последняя налево. Я расспросил вчера прислугу.

– А порошок, который я тебе дала, ты всыпал ему в кофе?

– Всыпал.

– Если так, Эстрейхер спит мертвым сном, и мы можем действовать спокойно.

Они дошли до дверей со стеклянным верхом, отпиравшимся, как форточка. Дверь была на замке, но форточка полуоткрыта.

– Здесь будуар?

– Здесь. Сначала прихожая, а за ней – будуар.

– Подставляй лестницу.

Кантэн влез в форточку и через несколько минут вылез обратно.

– Нашел? – шепотом спросила Доротея.

– Да, на столе. Я вынул серьги, а коробочку перевязал точь-в-точь как было и поставил на место.

Двинулись дальше. Около последней двери они остановились. Здесь была такая же стеклянная форточка, как и в будуаре. Кантэн влез в нее, отодвинул изнутри задвижку и впустил Доротею. Они очутились в маленькой передней перед дверью в спальню Эстрейхера. Доротея посмотрела в замочную скважину.

– Спит.

Она вынула из кармана Кантэна флакон хлороформа и носовой платок, откупорила флакон и сильно смочила платок.

Эстрейхер лежал одетый поперек кровати. Порошок подействовал хорошо, и Эстрейхер спал так крепко, что Доротея рискнула зажечь электричество, потом подошла к нему и осторожно прикрыла его лицо платком, пропитанным хлороформом.

Эстрейхер вздохнул, заворочался, но хлороформ подействовал быстро, и он заснул еще крепче, чем прежде.

Тогда они связали его по рукам и ногам, крепко-накрепко прикрутили к кровати, концы веревок перекинули и привязали к ножкам стола и шкафа, затянули в узлы ковер и занавески. Одним словом, Эстрейхер был опутан, как паутиной, и без посторонней помощи не мог освободиться. А чтобы он не проснулся и не поднял крик, Доротея плотно обмотала его рот полотенцем.

На другой день утром, когда Рауль Дювернуа пил кофе вместе с супругами Шаньи, дворецкий доложил, что директриса цирка приказала на рассвете открыть ворота и уехала, прося передать графу письмо. Граф распечатал конверт, развернул письмо. «Многоуважаемый кузен!» Это обращение слегка покорило графа.

– Кузен... Гм. – И он недовольно поморщился.

«Я сдержала свое слово – отдаю в ваши руки того, кто производил раскопки в вашем замке, украл прошлой ночью серьги, а пять лет назад отравил и ограбил моего отца, похитив у него медаль с разгадкой тайны. Пусть расправится с ним правосудие.

Княжна Доротея д'Аргонь».

Граф, графиня и Рауль Дювернуа с недоумением смотрели друг на друга. Никто не понимал, что это значит и кто этот страшный преступник.

– Жаль, что Эстрейхер спит, – сказал наконец граф. – Он помог бы нам расшифровать разгадку.

Графиня бросилась в будуар, нашла сданную ей на хранение коробочку, раскрыла ее. В ней не было ничего, кроме морских ракушек и гольшей. Почему Эстрейхер придавал ей такое значение? В эту минуту снова явился дворецкий с докладом.

– В чем дело, Доминик?

– В доме неблагополучно. Ночью хозяйничали воры.

– Что-о? Как же они могли забраться? Я вам тысячу раз приказывал держать все двери на запоре.

– Двери заперты-с. А в коридоре, возле комнаты господина Эстрейхера, стоит лестница, и окно в уборной открыто настежь. В него и залезли.

– Что же они... Что пропало?

– Не могу знать. Я пришел доложить. Пусть господин граф распорядится, что делать.

Де Шаньи переглянулся с женой.

– Спасибо, Доминик. Не поднимай тревоги. Мы сейчас придем и посмотрим. Устройте так, чтобы нам никто не мешал.

Супруги Шаньи и Рауль Дювернуа направились к комнате Эстрейхера. Дверь его спальни была открыта. В комнате сильно пахло хлороформом. Граф заглянул в спальню и отскочил как ужаленный: Эстрейхер лежал на кровати, связанный по рукам и ногам, с заткнутым ртом и стонал, сердито выкатывая белки глаз.

Возле него лежала куртка и вязаный шарф, похожий на тот, что был на человеке, копавшем яму в овраге. А на столе, на видном месте, сверкали сапфировые серьги.

Но, увидев руку Эстрейхера, вошедшие невольно дрогнули.

Она свешивалась с кровати и была крепко привязана к ножке тяжелого кресла, рукав был засучен до плеча, и на белой коже, повыше локтя, ярко выступали три слова, выжженные татуировкой, как у моряков: «In robore Fortuna». Клеймо убийцы Жана д'Аргонь.

Глава 6 В дороге

Цирк Доротеи ежедневно менял стоянку и нигде не оставался ночевать. Окончив представление, он тотчас же снимался с места.

Доротея сильно изменилась. Исчезла ее неподдельная веселость. Угрюмая и печальная, она сторонилась мальчиков и все время молчала.

Тоскливо стало в фургоне. Кантэн правил им, точно погребальной колесницей. Кастор и Поллукс перестали драться и шалить, а капитан зарылся в учебники и громко зубрил арифметику, зная, что этим можно тронуть сердце учительницы. Но и зубрежка плохо помогала: Доротея не обращала на него внимания и была занята своими мыслями.

Каждое утро она жадно набрасывалась на газету, прочитав и не найдя в ней того, что искала, сердито комкала ее. Кантэн подбирал газету, расправлял измятый лист и тоже искал заголовка со знакомой фамилией. Ничего, ни слова об аресте Эстрейхера, ни слова о его преступлении.

Прохандрив неделю, Доротея на восьмой день улыбнулась. Жизнь и молодость взяли свое. Тяжелые мысли рассеялись, и она стала прежней Доротеей, веселой, ласковой и шутиливой. Кастор, Поллукс и Монфокон получили ни с того ни с сего долгожданную порцию поцелуев, а Кантэн несколько ласковых шлепков.

В этот день цирк давал представление в городе Витри. Доротея была в ударе и имела громадный успех. Когда публика разошлась, она стала шалить и возиться с детьми. Неделя грусти была забыта. Кантэн прослезился от счастья.

– Я думал, что ты нас совсем разлюбила, – повторял он, размазывая слезы.

– Чтобы я разлюбила моих поросятков. Это с какой стати?

– Потому что ты – княжна.

– А разве я не была раньше княжной?

Наигравшись с малышами, Доротея пошла с Кантэном гулять и, бродя по кривым переулкам Витри, рассказала ему о своем детстве.

Доротея росла свободно. Никто ей не мешал развиваться, никто не стеснял дисциплиной. От природы она была очень любознательна и сама утоляла свою жажду знаний. У деревенского священника научилась она латыни, но зубрить катехизис и священную историю было ей не по нутру. Зато она брала уроки математики и истории у школьного учителя, а больше всего любила читать, глотая все, что попадалось. Особенно много дали ей старики-фермеры, у которых она жила.

– Я им обязана буквально всем, – рассказывала она. – Без них я бы не знала ни одного растения, ни одной птицы. А самое важное в жизни – знать и чувствовать природу.

– Неужели они научили тебя танцевать на канате? – пошутил Кантэн.

– Я обожаю танцы. Это наследственность: ведь мама не была серьезной артисткой большого театра.

Она была простой танцовщицей из цирка и мюзик-холла.

Несмотря на свободное воспитание и довольно легкомысленный образ жизни родителей, Доротея выработала в себе чувство собственного достоинства и строгие правила морали. Если что-нибудь плохо, так оно плохо при всех обстоятельствах, без исключений и уверток. Так полагала Доротея и не допускала никаких сделок с совестью.

Долго рассказывала она о себе, а Кантэн слушал, разинув рот и никак не мог наслушаться.

– Удивительный ты человек, Доротея, – сказал он наконец. – Особенно ты поразила меня в Роборэе. Как могла ты разгадать их тайну и все эстрейхеровские подлости?

– Ничего удивительного. У меня с детства страсть к таким историям. Когда я была совсем маленькой и жила у папы в имении, я вечно играла с деревенскими ребятами, и мы составили отряд для борьбы с ворами. Нет, ты не смейся, пожалуйста. Случится у фермера кража, пропадет утка или поросенок – мы первые принимаемся за поиски и часто находили пропажу. Еще и жандармов не вызовут, а мы уже расследуем дело. Скоро обо мне пошла слава у крестьян, и, когда мне было лет тринадцать, ко мне приезжали из соседних деревень за советом. «Настоящая ведьма», – говорили про меня крестьяне. Но дело было совсем не в колдовстве. Ты знаешь, что я нарочно прикидываюсь ясновидящей или гадаю на картах, а на самом деле рассказываю людям то, что заметила, и ничего не прибавляю от себя. Правда, у меня чутье и зоркие глаза, а это встречается редко. Надо уметь замечать то, что обычно ускользает от внимания, поэтому все запутанные истории кажутся мне такими простыми, и я часто удивляюсь, как другие не видят вокруг себя самых обыкновенных вещей.

– Да, от тебя ничего не ускользнет, – ответил со смехом Кантэн. – Вот и выходит, что серьги украл не Кантэн, а Эстрейхер, и не Кантэна, а Эстрейхера посадят в тюрьму. Всех обвела вокруг пальца.

Доротея тоже рассмеялась.

– Обвести-то обвела, но суд почему-то не хочет действовать по-моему. В газетах ни строчки обо всей роборэйской истории.

– Что же там произошло, куда девался Эстрейхер?

– Не знаю.

– И не можешь узнать?

– Могу.

– Каким образом?

– Через Рауля Дювернуа.

Кантэн снова удивился:

– Где же ты его увидишь?

– Я написала ему на прошлой неделе, и он ответил телеграммой. Помнишь, я сегодня ходила на почту – это за телеграммой.

– Что же он пишет?

– Он выехал из Роборэя и будет здесь сегодня ровно в три часа. – С этими словами Доротея посмотрела на часы. – Половина третьего. Идем к фургону.

По приказанию Доротеи фургон стоял на пригорке, откуда было видно шоссе.

– Подождем его здесь, – сказала Доротея.

– Разве ты уверена, что он приедет?

– О, конечно. Он рад со мной повидаться, – ответила она с улыбкой. – Он такой внимательный и милый.

Кантэн невольно нахмурился. Он ревновал Доротею ко всему миру и сердито пробормотал:

– Ну, разумеется, с кем бы ты ни разговаривала – все необыкновенно любезные и внимательные.

Молча просидели они несколько минут. Вдруг вдали показался автомобиль. Заметив его, Доротея встала и двинулась к фургону.

Через минуту машина Рауля Дювернуа мягко подкатила к фургону. Доротея бросилась навстречу.

– Не выходите! Не выходите! Скажите только: арестован?

– Кто? Эстрейхер? – спросил Рауль, обескураженный таким приемом.

– Конечно! В тюрьме?

– Нет.

– А где же?

– Бежал.

Доротея схватилась за голову.

– Бежал... Какое несчастье. – И про себя пробормотала: – Боже мой, почему я не осталась в Роборэе. Я бы этого не допустила.

Но жалобы мало помогали делу, а Доротея не любила тратить слов. Она взяла себя в руки и спросила Рауля:

– Почему вы так долго задержались в гостях?

– Из-за Эстрейхера.

– Напрасно. После его побега вы должны были мчаться домой.

– Зачем?

– Вы забыли о своем дедушке. Помните, я вас предупреждала.

– Я написал ему и советовал быть осторожным. А кроме того, я думаю, что вы сильно преувеличиваете опасность.

– Как! У него медаль, за которой охотится Эстрейхер, и вы думаете, что это пустяки.

Рауль хотел выйти из автомобиля, но Доротея не дала ему открыть дверцы:

– Нет-нет, поезжайте домой. Я не знаю, нужна ли Эстрейхеру вторая медаль, но я чувствую, что борьба не окончена, и он непременно нападет на вашего деда. Я так уверена в этом, что решила перекочевать в ваши края и уже наметила себе маршрут. Ваше имение под Клиссоном, до него сто пять километров. Для фургона это восемь дней пути, а в автомобиле вы доедете сегодня. Ждите меня, через неделю буду у вас.

Тон Доротеи подействовал на Рауля. Он перестал спорить и снова сел за руль.

– Может быть, вы и правы. Я должен был подумать об этом, тем более что сегодня дедушка будет совершенно один.

– Почему?

– Вся прислуга отпросилась в деревню на свадьбу одного из лакеев.

Доротея задрожала.

– И Эстрейхер знает об этом?

– Очень может быть. Я рассказывал графине об этой свадьбе в его присутствии.

– Когда он скрылся?

– Третьего дня.

– Значит, уже двое суток...

И, не договорив, она бросилась к фургону и тотчас выскочила с ручным сакон и пальто.

– Я еду с вами. Заводите же машину.

Кантэн подбежал к подножке.

– Береги фургон и детей, – приказала ему Доротея, – немедленно запрягай. Не останавливайся нигде, даже ради представления. Вот тебе карта. Красным карандашом отмечен маршрут. Видишь, вот Клиссон и Мануар-О-Бютт. Никуда не сворачивай и будь на месте через пять дней.

Взревел заведенный мотор. Вдруг из фургона выбежал капитан и бросился к Доротея, со слезами протягивая к ней ручки. Доротея подхватила его и посадила сзади, на чемоданы.

– Сиди спокойно. До свидания, Кантэн. Кастор и Поллукс, не драться.

Зашелестели шины... На все это ушло не более минуты.

Рауль был очень рад ехать со своей очаровательной кузиной. Дорогой она попросила его рассказать подробно обо всем, что случилось после ее отъезда.

– Главное, что спасло Эстрейхера, – рассказывал Рауль, – это рана, которую он натер себе, когда бился головой о железный край кровати. Он потерял очень много крови и сильно ослабел. Потом открылась лихорадка, жар, ранагноилась. Граф, как вы сами заметили, очень щепетилен во всем, что касается фамильной чести. Узнав, что Эстрейхер болен, он очень обрадовался и сказал с облегчением: «Это даст нам время поразмыслить. Разразится скандал. Попадет в

газеты. Не лучше ли для чести семьи избежать огласки». Я спорил, возмущался и говорил, что надо моментально сообщить в полицию. Но в конце концов я не мог распоряжаться в чужом доме, а граф все откладывал и откладывал. К тому же Эстрейхер был так слаб, что торопиться было некуда. Неудобно, знаете, отправлять больного в тюрьму.

– А что говорил Эстрейхер? – спросила Доротейя.

– Ничего. Да его и не допрашивали.

– И ничего не говорил обо мне, не пробовал меня чернить?

– О, нет. Он прекрасно разыгрывал больного, измученного сильным жаром. По моему настоянию Шаньи написал в Париж, прося навести справки об Эстрейхере. Через три дня пришла телеграмма: «Очень опасный субъект. Полиция его разыскивает». Получив телеграмму, Шаньи позвонил в полицию, но когда явился бригадир, было поздно: Эстрейхер бежал через окно уборной, выходящее в сторону оврага.

– А что говорилось в письме?

– Убийственные подробности. Зовут его Антоном Эстрейхером. Он – бывший морской офицер, исключенный из списков за кражу. Потом его судили за убийство, но оправдали из-за недостатка улик. В начале войны он дезертировал с фронта, за несколько дней до нашего приезда в Роборэй установили, что он воспользовался документами своего родственника, умершего несколько лет назад, и прокуратура дала приказ о его задержании под именем Максима Эстрейхера.

– Как жаль, что егопустили. Профессиональный бандит. Взяли и не сумели удержать.

– Найдем его, не беспокойтесь.

– Найти-то найдем, да не было бы поздно.

Рауль прибавил скорость. Они ехали быстро, почти не снижая скорости в деревнях. Смеркалось, когда они доехали до Нанта. Здесь пришлось остановиться и запастись бензином.

– Через час будем дома, – сказал Рауль.

Доротейя попросила его подробно описать усадьбу и все прилегающие к ней дороги, расположение комнат, лестницы, входы. Она подробно интересовалась привычками и образом жизни дедушки Дювернуа, его возрастом – ему было семьдесят пять лет – и даже его собакой Голиафом, огромным догом, очень страшным на вид, но неспособным защитить хозяина.

Миновав Клиссон, Рауль решил сделать крюк и заехать в деревню за кем-нибудь из прислуги. Но Доротейя категорически запретила.

– Чего же вы в конце концов боитесь? – почти рассердился Рауль.

– Всего. От Эстрейхера нечего ждать пощады. Мы не должны терять ни минуты.

Автомобиль мягко свернул на проселочную дорогу.

– Вот и Мануар, – показал Рауль. – Видите освещенные окна?

Остановились у каменной усадьбы. В стене были пробиты ворота. Рауль спрыгнул на землю и попробовал их отворить. Возле дома громко лаяла собака, заглушая шум мотора. По лаю Рауль понял, что это Голиаф, и что он не в доме, а на дворе, возле террасы.

– Ну что, – нетерпеливо окликнула его Доротейя. – Почему вы не открываете?

– Тут что-то неладно. Ворота закрыты на задвижку и на ключ, а замок с той стороны.

– Разве их запирают иначе?

– Конечно. Ворота заперты кем-то чужим. И потом вы слышите, как заливается Голиаф?

– Ну?

– За углом есть другие ворота.

– А вдруг и они заперты? Придумаем что-нибудь другое.

Доротейя села к рулю, подвинула машину к стене, немного вправо от ворот, нагромоздила на сиденье подушки, стала на них во весь рост и скомандовала:

– Монфокон!

Мальчик понял, что нужно, и быстро вскарабкался на плечи Доротеи. Его ручки едва достали до края стены. Доротея подсадила его, и он мигом очутился верхом на стене. Рауль бросил ему веревку, мальчик завязал ее вокруг талии, и Доротея спустила его во двор. Он быстро шмыгнул к воротам, отодвинул задвижку, повернул ключ и впустил Рауля и Доротею.

Доротея жестом подозвала Монфокон и тихо приказала ему:

– Обойди вокруг дома и, если увидишь где-нибудь лестницу, свали ее на землю.

На террасе метался Голиаф, с лаем и воем царапаясь в двери, а из-за двери доносились стоны и шум борьбы.

Чтобы напугать бандитов, Рауль выстрелил в воздух, открыл дверь своим ключом и быстро взбежал по лестнице.

В вестибюле, слабо освещенном двумя свечами, лежал на полу дед Рауля и слабо стонал. Рауль бросился к нему, а Доротея схватила свечу и метнулась в соседнюю комнату. Комната была пуста. В открытом окне торчал конец приставленной лестницы. Доротея бросилась к окну и осторожно выглянула.

– Тетя, я тут, – отозвался из сада Монфокон.

– Ты кого-нибудь видел?

– Да. Они выскочили из окна. Я не успел свалить лестницу.

– Ты рассмотрел их?

– Да, их было двое. Один незнакомый, а другой тот противный бородач.

Дед Рауля не был ранен. По следам борьбы было ясно, что Эстрейхер пробовал запугать старика и заставить показать медаль. На его шее были багрово-синие следы от пальцев. Еще минута, и его бы прикончили.

Скоро вернулась со свадьбы прислуга. Рауль вызвал врача. Доктор осмотрел больного и заявил, что жизнь его вне опасности, но он получил сильное нервное потрясение. Старик действительно не отвечал на вопросы, даже как будто не слышал их, что-то невнятно бормотал и не узнавал окружающих. И Рауль понял, что дедушка сошел с ума.

Глава 7

Срок приближается

Усадьба Мануар-О-Бютт когда-то считалась богатым барским домом. Теперь о былом ее величии и широкой жизни прежних владельцев напоминали только огромные погребя и кладовые, заваленные разной ненужной рухлядью.

Мануар стал приходить в упадок с того времени, как дед Рауля взялся за хозяйство. В молодости он был страстным охотником, дамским кавалером, кутилой и убежденным безбожником. Главные черты его характера перешли к отцу Рауля.

– Когда я был демобилизован, – рассказывал Рауль Доротее, – я поселился здесь, думая наладить хозяйство. Но ни дед, ни отец меня не поддержали. Как я ни спорил – они твердили мне одно: «Рано или поздно мы разбогатеем. К чему же стеснять себя и отказывать себе в пустяках». И они действительно не отказывали. В конце концов мы очутились в лапах ростовщика, скупившего наши векселя у кредиторов. А сейчас я узнал, пока я гостил в Роборэе, дед запродавал ему имение, и по договору ростовщик может нас выселить ровно через полтора месяца.

Рауль был человек стойкий и прямой, не очень острого, но серьезного ума, немного грубоват, как все деревенские жители, но зато не знал фальши горожан. Доротее невольно покорила его волю и нежно и глубоко коснулась его души. Застенчивый, как все прямые и нетронутые натуры, Рауль плохо скрывал свои чувства и слушался ее беспрекословно.

По совету Доротее, он подал следователю заявление о нападении на усадьбу и в заявлении откровенно признался, что вместе с группой дальних родственников разыскивает фамильный клад и что для находки клада необходимо иметь золотую медаль старинной чеканки с надписью, указывающей местонахождение клада. Не называя Доротее, он сообщил, что к нему приехала дальняя родственница и вскользь сказал о причинах ее приезда.

Через три дня приехал Кантэн с мальчиками. Фургон поставили посреди двора, и Доротее перебралась в него из уютных спален Мануара. Мальчики были рады отдыху, и потекли веселые дни после тяжелой кочевой жизни.

Кастор и Поллукс по-прежнему дрались. Кантэн часами сидел с удочкой у реки, а невозмутимый капитан важно беседовал с Раулем и покровительственно рассказывал ему и Голиафу разные приключения.

Доротее как будто отдыхала. Но на самом деле она усердно наблюдала и занималась изысканиями. Несколько часов посвящала она мальчуганам, а остальное время следила за старым бароном, бесцельно слонявшимся по двору с Голиафом на цепочке. Взгляд старика рассеянно блуждал по сторонам, а Доротее не спускала с него глаз, ловя хоть проблески сознания.

Несколько дней провела она на чердаке, роясь в библиотечных шкафах и ящиках с книгами и письмами, в докладах управляющих, в портфелях и папках прошлого века. Она тщательно изучила переписку семьи, церковный архив, старые планы имения.

– Ну-с, кажется, есть успехи? – сказал ей как-то Рауль. – Ваши глаза немного прояснились.

О, эти глаза, глаза Доротее! Они влекли к себе Рауля как магнит. Ими смотрел он на весь мир и ничем не интересовался, кроме их блеска и выражения.

Доротее льстило и нравилось поклонение молодого человека. Его застенчивая любовь была для нее чем-то новым, очаровательным. Она привыкла чувствовать на себе откровенно бесстыдные взгляды мужчин, полные неприкрытой чувственности, и эти взгляды оскорбляли ее, как плевки. И вот пришла радость чего-то чистого, благоуханного...

Как-то раз, катаясь в лодке, Доротее опустила весла и пустила лодку по течению.

– Срок приближается, – сказала она задумчиво.

– Какой срок? – спросил Рауль, думавший не о сроках, а о глазах Доротеи.

– Тот, – ответила она. – Масса мелочей намекают на его приближение.

– Вы думаете?

– Уверена. Вспомните слова дедушки перед вашей поездкой в Роборэй. Он вам сказал: «Теперь еще не поздно, а самая пора». Как жаль, что он болен и не может открыть вам тайну.

– Но разве может быть надежда, если пропала медаль? Мы обыскали кабинет, спальню, весь дом, перерыли каждую мелочь – и все напрасно.

– Дедушка знает разгадку. Ум его помутился, но остался инстинкт. А инстинкт никогда не погибает. Мысль о медали и кладе, по-моему, стала у вас в семье инстинктивной. Подумайте: она зрела у вас поколениями, веками, и никакое потрясение не вытравит ее у человека. Медаль запрятана и очень хорошо, но настанет срок, и барон про нее вспомнит. Не словом, так жестом выдаст он свою тайну.

– Разве вы думаете, что Эстрейхер ее не похитил?

– Ни в каком случае. Иначе они бы не боролись. Ваш дедушка сопротивлялся до последней минуты, и только наше появление заставило Эстрейхера бежать.

– О, если бы я мог поймать этого негодяя, – вздохнул Рауль.

Лодка тихо скользила по течению. Вдруг Доротея прошептала, стараясь не двигаться:

– Тише: он здесь.

– Где? Как?

– Он где-то здесь на берегу и, верно, слушает нашу беседу.

– Вы его заметили?

– Нет, но догадываюсь о его присутствии. Он следит за нами.

– Откуда?

– С холмов. Когда я узнала, как зовется ваше имение, я подумала, что там есть какие-то укрепления или пещеры. Роясь в бумагах, я нашла подтверждение своим предположениям. Во время Вандейского восстания между Тиффожем и Клиссоном были укрепления, брошенные каменоломни и пещеры, где скрывались повстанцы.

– Но как узнал о них Эстрейхер?

– Очень просто. Собираясь напасть на вашего дедушку, он долго его выслеживал. Барон любил гулять и мог зайти в один из тайников. Эстрейхер его и заметил. Посмотрите, какая тут холмистая местность, сколько оврагов. На каждом взгорье можно устроить наблюдательный пункт и следить за всем, что у вас происходит. Эстрейхер, конечно, здесь.

– Что же он делает?

– Ищет медаль и следит за нами. Не знаю, зачем ему вторая медаль, но он ее разыскивает и боится, как бы она не попала в мои руки.

– Раз он здесь, надо вызвать полицию.

– Рано. В подземельях много выходов, и он все равно ускользнет.

Рауль задумался.

– Что же думаете предпринять? – спросил он наконец.

– Дать ему выйти на свет божий – и прихлопнуть.

– Когда и как?

– Чем раньше, тем лучше. Я говорила на днях с ростовщиком Вуареном. Он показал мне продажную на имение. Если в пять часов пополудни тридцать первого июля Вуарен не получит триста тысяч франков наличными или облигациями государственных займов, Мануар переходит в полную его собственность. Об этом он мечтал всю жизнь.

По лицу Рауля прошла тень.

– Знаю. И так как у меня нет надежды разбогатеть...

– Неправда. Есть надежда – та же, что у вашего дедушки. Недаром он сказал Вуарену: «Погодите, еще рано радоваться. Тридцать первого июля я заплачу вам все до последней копе-

ечки». Рауль, по-моему, это первое настоящее указание. До сих пор мы оперировали со смутными легендами, а это бесспорный факт. И этот факт показывает, что ваш дедушка, знающий надпись на медали, связывал свои надежды разбогатеть с июлем текущего года.

Лодка причалила к берегу. Доротея выпрыгнула на песок, Рауль завозился с веслами, а она отошла в сторону и громко крикнула ему, как бы рассчитывая, что ее слова услышит еще кто-то, кроме Рауля.

– Рауль, сегодня двадцать седьмое июня. Через месяц мы с вами будем богаты, а Эстрейхера повесят, как я ему предсказала.

В тот же день вечером, когда совсем стемнело, Доротея, крадучись, вышла из усадьбы и быстро пошла по дороге между крестьянскими садами и огородами. Через час она остановилась у калитки скромной дачки. В глубине двора стоял дом, в окнах дома – приветно светился огонь.

Расспрашивая прислугу о разных разностях, Доротея узнала про Жюльетту Азир, одну из бывших любовниц старого барона. Старик Дювернуа до сих пор сохранил к ней нежное чувство и был у нее в гостях за несколько дней до нападения Эстрейхера. Это заинтересовало Доротею. Но интерес ее удвоился, когда горничная Жюльетты Азир рассказала Кантэну, что у ее хозяйки есть такая медаль, какую разыскивают в Мануар-О-Бютте. Доротея поручила Кантэну узнать, когда у горничной выходной день, и решила зайти к старушке и прямо спросить ее про медаль.

Но случилось иначе.

Входная дверь была открыта. Доротея вошла в низкую прилично обставленную комнату и увидела, что старушка спит в кресле с шитьем в руках. Рядом с Жюльеттой стоял столик, а на столике зажженная лампа.

«Вряд ли что-нибудь удастся, – подумала Доротея. – К чему задавать пустые вопросы, на которые она все равно не ответит».

Доротея оглянулась, посмотрела на картины, на часы, канделябры. В глубине заметила лестницу в мезонин. Она шагнула к лестнице, как вдруг тихо скрипнула входная дверь. Доротея вздрогнула. Она догадалась, что это Эстрейхер. Либо он выследил ее, либо явился к старушке по собственному почину. Надо бежать. Но куда? Подняться в мезонин уже поздно. Она оглянулась. Рядом с лестницей была стеклянная дверь – верно, от кухни. Значит, есть черный ход, через который можно удрать.

Она скользнула в дверь и сразу поняла ошибку: это не была кухня, а крохотный чуланчик, скорее стеной шкаф, в котором можно было с трудом уместиться. Но раздумывать было поздно. Доротея залезла в шкаф и прикрыла дверь. А в комнату уже входили двое мужчин. Сквозь дырочку в занавеске Доротея сразу узнала Эстрейхера, несмотря на нахлобученную фуражку и поднятый воротник. Его спутник тоже замотался шарфом, чтобы трудно было узнать. Доротея затаила дыхание.

– Спит, – сказал Эстрейхер. – Как бы не разбудить.

– Не разбудим. Станем тут – и только она войдет, заткнем ей горло. Она и пикнуть не успеет. Только придет ли? Не затеяли ли мы все это зря?

– Дело верное. Я ее выследил. Она знает, что горничной нет дома, и придет, чтобы застать старуху одну. Теперь она уж не вывернется. Я ей припомню Роборэй.

Доротея задрожала от жуткого тона Эстрейхера.

Бандиты умолкли, прислушиваясь и готовясь наброситься на того, кто откроет дверь.

Время шло. Жюльетта Азир спала, а Доротея замерла, притаив дыхание.

Эстрейхеру надоело ждать.

– Не придет. А шла в эту сторону. Значит, по дороге раздумала.

– Пойдем.

– Подожди, поищем медаль.

– Да уж искали. Все перерыли вверх дном.

– Не с того конца начинали. Надо было начать со старухи. Тем хуже для нее. Сама спрятала – пусть сама и расплачивается.

Он стукнул по столу кулаком, не боясь разбудить Жюльетту.

– Понимаешь, какая выходит нелепость: горничная сказала ясно – у старухи есть такая медаль, какую ищут в Мануаре. Понимаешь? С бароном не удалось, так, может быть, удастся с этой.

Эстрейхер запер входную дверь и спрятал ключ в карман. Затем подошел к старушке и схватил ее за горло, прижав к спине кресла.

Товарищ Эстрейхера загоготал:

– Ловко. Только ты того... потише, а то околеет и слова не успеет сказать.

Эстрейхер немного разжал пальцы. Старуха со стоном открыла глаза.

– Отвечай! – приказал бандит. – Где медаль барона? Куда ты ее подевала?

Старушка ничего не поняла и в ужасе вырывалась. Эстрейхер потрянул ее так, что затрепали кости.

– Будешь отвечать или нет? Где медаль твоего любовника? Не виляй, старая ведьма! Горничная нам все рассказала! Говори, а не то...

Он схватил тяжелые щипцы от камина и замахнулся на старуху.

– Раз! Два! Три! После двадцати я расшибу тебе голову.

Шкаф, где сидела Доротея, был полуоткрыт, и Доротея видела все. Угрозы Эстрейхера ее не испугали: Эстрейхеру невыгодно убить старуху. Он сосчитал до двадцати. Старушка молчала. Эстрейхер бросил щипцы и в ярости схватил ее за руку. От испуга и боли Жюльетта громко вскрикнула.

– Ага, ты начинаешь понимать. Где медаль? Говори!

Жюльетта молчала. Эстрейхер снова дернул ее за руку. Старуха упала на колени и, путаясь, стала умолять о пощаде.

– Говори где медаль! Я тебя заставлю! Ты у меня заговоришь.

Жюльетта что-то пробормотала.

– Что? Что такое? Говори толком, или я тебя дерну...

– Нет... Бога ради... Я скажу. Она в усадьбе, в реке...

– В реке? Что ты врешь! Медаль в реке! Ты со мной не шути.

Он швырнул ее на пол, повалил навзничь и прижал коленом. Доротея задыхалась от негодования, но выдать себя было безумием.

– Хочешь, чтоб я выкрутил тебе руки? Хочешь? – хрипел негодяй. – А! Тебе это нравится.

Доротея не видела, что он сделал, но старушка испустила дикий вопль и закричала:

– Там... Стенной шкаф. Надо... камень...

Она не договорила. Губы ее еще двигались, но искаженное ужасом лицо стало разглаживаться, выражение ужаса сменилось спокойной улыбкой – и вдруг Жюльетта тихо и радостно захихикала. Она не чувствовала ни боли, ни страха: в глазах ее загорелся тот же огонек безумия, что и в глазах старого барона.

– Не везет, – сострил товарищ Эстрейхера. – Номер второй. Этак ты скоро укомплектуешь все сумасшедшие дома республики.

Эстрейхер яростно швырнул старуху. Она отлетела в угол и упала за кресло возле шкафа, где сидела Доротея.

– Ты говоришь, не везет. Нет, кажется, везет... Старуха все-таки сказала, пока у ней не лопнули мозги. В шкаф... Но в котором? В обоих каменный пол.

Он показал на шкаф, где сидела Доротея, и на другой, по ту сторону камина.

– Я покопаюсь здесь, а ты там. Впрочем, нет, посвети мне.

Они отошли к камину, открыли шкаф и стали внимательно осматривать желобки между камнями, пробуя их поднимать.

Доротей понимала, что медлить нельзя. Когда они раскроют шкаф – будет поздно. Старуха лежала под самым шкафом и тихонько хихикала, но смех ее понемногу затихал. Спинка кресла закрывала ее от камина. Доротей осторожно высунула руку, сняла со старухи чепчик, потом стянула очки, косынку, фартук и все это надела на себя. Жюльетта Азир лежала в забытьи. Доротей тихонько вышла из шкафа и захихикала, ловко подражая старухе. Бандиты работали в шкафу, не обращая на нее внимания. Доротей сгорбилась и, хихикая, вышла старческой походкой из угла.

- Что ей надо? – спросил Эстрейхер, не оборачиваясь. – Она, кажется, хочет удрать?
- Куда? Ключ у тебя в кармане.
- А в окошко?
- Высоко. И чего ей бежать? Куда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.